

Агат

Глава I

Принято считать, что людям не спится из-за тревог и огорчений.

Светлане, однако, мешала заснуть радость. И, стыдясь себе в этом признаться, она боролась с бессонницей проверенными средствами: открыла дверь на балкон, походила по холодному полу в ванной комнате, проглотила таблетку снотворного. Но всё тщетно...

А радоваться было чему. Накануне вечером она сделала головокружительную карьеру. Её вдруг назначили главным инженером проекта – гипом. Случай небывалый в истории их проектного института. Обычно гипами назначали только опытных, маститых инженеров предпенсионного возраста. Из семи институтских главных инженеров проекта трое уже даже перешагнули пенсионный рубеж. Ей же было всего 33 года, и её инженерный стаж насчитывал один десяток лет.

Светлана была удивлена, когда главный инженер института Георгий Тимофеевич, Жора, как его звали за глаза, предложил ей новую должность, и всерьёз отказывалась. Но Жора умел пользоваться слабостями своих подчинённых. И зная, что Светлана честолюбива и самонадеянна, сказал, что только она, с её сильным характером, хорошей технической подготовкой и женским обаянием, справится с тем, с чем не могут справиться заслуженные старики. Да и вообще, сказал он, пора менять форму работы с заказчиками, привлекать к ней молодых энергичных специалистов, а не пенсионеров, которым трудно оторваться от стула. К тому же в институте эту должность еще не занимали женщины, и Светлана будет первой.

– Вам не придётся сразу брать быка за рога, – пообещал Жора, – постажируетесь месячишко-другой у Семёна Григорьевича, а потом смените его: он грозитя на пенсию уйти.

Разве могла она устоять? Согласилась и даже времени не попросила на обдумывание предложения: испугалась, что Жора возьмёт его обратно, а охотников на эту должность найдётся сколько угодно.

– Такое, Вадим, один раз в сто лет бывает, чтобы старшего инженера – да в гипы! – говорила она с радостным возбуждением мужу за ужином. – Да, твоя жена – авантюристка и карьеристка! А Жора сегодня сделал большую глупость. Но почему он выбрал именно меня?

Она немного кокетничала: Жорино объяснение её вполне устраивало, но хотелось услышать и комплименты от мужа.

– Жора рассчитал всё верно: ты призовая лошадка, – сказал Вадим насмешливо. – К тому же хорошенькая, что тоже будет играть в деле не последнюю роль. А сглупила ты – такой груз тащить не с твоим характером, надорвёшься, начнутся бессонницы и прочие страдания. Откажись, пока не поздно.

– Ну знаешь...

– Тогда, смотри, потом не жалуйся.

И вот «пророк» спокойно спит, а она мечется по квартире и боится его разбудить, хотя и повод есть – храпит нещадно. И Мышка спит, тихо-тихо на своём новом жёстком диванчике.

Светлана тоже легла и принялась считать каких-то несуществующих овец. Но счёт сбила, спутала мысль: «А что сказал бы Фёдор о моём взлёте? Господи, какое это теперь имеет значение – что бы он сказал, что бы он подумал. Что было – былём поросло. Былём? Каким былём? Ковылём?». Она всё-таки заснула.

Утром у неё кружилась голова, пошатывало, и щемило сердце, но надо было идти на работу в новый кабинет с табличкой на постоянно закрытой двери «Главные инженеры проектов», за обитый зелёным сукном стол, и она с особой тщательностью занялась туалетом. Надела тёмный строгий костюм, униформу деловой женщины, который к тому же скрадывал появившуюся у неё в последнее время полноту. Долго причёсывалась, усердно выделяя седую прядь справа – для солидности – и придирчиво осматривала себя как чужую. Из зеркала на неё смотрела молодая, тёмноволосая, милая женщина, с чуть усталыми грустными глазами. И ничего не было в её лице с короткой припухшей губкой и родинкой на левой щеке ни решительного, ни волевого.

В технологическом отделе, где Светлана прежде работала, уже знали о её переводе. И пока она собирала свои вещи и передавала коллеге незаконченную работу, бывшие сослуживцы подходили к ней с поздравлениями, маскируя зависть причудливыми приветствиями и шутками. Они не сомневались в её способностях, деловитости, энергичности, но всё-таки не могли вот так сразу принять её взлёта, того, что её самую молодую из них, да ещё женщину назначили на столь престижную должность, престижную и ответственную, на которой свернул себе шею Вася. А ведь какой был организатор Вася, какой дипломат, да и опыта у него было раза в два больше, чем у Светланы. Начальник отдела Сан Саныч сказал ей вместо напутствия:

– «Безумству храбрых поём мы славу!»

В его шутке Светлана уловила неодобрение. Даже старая приятельница не порадовалась её успеху. Когда Светлана пожаловалась ей, что кружится голова, не без ехидства заметила:

– Головокружение от успехов!

Пожалуй, это было так, потому что голова кружилась, как после вальса, как после бокала хорошего вина. Это праздничное головокружение не мешало Светлане бегать по лестнице из технологического отдела в библиотеку, из библиотеки в секретариат, из секретариата в отдел кадров.

К новым сослуживцам она попала только после обеда. «Пенсионеры» встретили её любезными возгласами. «Молодые» с подчёркнутым равнодушием промолчали. А, вообще-то, ничего радостного вторжение женщины в их «святую мужскую обитель» им всем не сулило: прощайте рискованные анекдотики, солёные мужские шутки, откровенные разговоры о женщинах. Но они ещё надеялись, что не всё потеряно, что можно сохранить мужской дух, годами державшийся в этом кабинете. И старейшина коллектива, добродушнейший на вид человек, с розовой лысиной во всю голову, с добрейшими вишнёвого цвета глазами, предпринял разведку боем.

– Светоана Ивановна, я тут до вас рассказывал свежие анекдоты, которые давеча привёз из Ленинграда. Вот послушайте...

– Как, Анатолий Сергеевич, вы рискуете даме рассказать этот ужас? – Емельян Сафонович сгрёб со своего стола чертежи и ринулся к двери.

– А чего в них особенного! Я их десятиклассникам рассказывал...

– Ну как знаете!

Дверь за Емельяном Сафоновичем захлопнулась. На секунду в кабинете стало совсем тихо, мужчины примолкли, зарылись носами в бумаги, выжидая.

Анатолий Сергеевич сладеньким голоском весьма артистично рассказал анекдот про Красную шапочку и Великана, фривольный, но смешной. Светлана засмеялась. Гипы оторвали носы от бумаги и удовлетворённо хмыкнули – первый раунд они бесспорно выиграли. Воодушевлённый успехом, Анатолий Сергеевич выдал второй анекдот. Боже, что это было за произведение! Подобное прежде Светлана слышала лишь однажды, когда ехала в купе с моряками и, устав от их ухаживаний, притворилась спящей. Моряки же, удостоверившись, что собеседница спит, принялись травить. А здесь инженер старой закалки, эрудит, потомственный интеллигент – и такое.

Светлана была разочарована – не оскорблена. Она не оскорблялась, когда в её присутствии ругались матом или говорили двусмысленности, но ей было стыдно за

человека, произносившего всё это. Обычно в таких случаях она не одёргивала говорившего, молчала, делая вид, что сказанное её не касается или, что она ничего не поняла. Теперь промолчать было нельзя: старожилы кабинета отстаивали в нём свою мужскую вольницу и проверяли её на женственность.

– Анатолий Сергеевич,– сказала она после небольшой паузы, выдержав его лукавый заинтересованный взгляд,– я не ханжа и не собираюсь играть здесь невинную девочку. Признаюсь, анекдотов вообще не люблю. Фривольные же слушаю, когда они действительно остроумны. А ваш опус № 2 – не анекдот даже. Это просто набор похабщины. Рассказывать его может только человек с дурным вкусом. Фу, Анатолий Сергеевич, я вас не узнаю.

Старик сконфузился и что-то залепетал в своё оправдание. Один из коллег пришёл ему на помощь и переменил тему.

Перед концом рабочего дня в кабинет вошёл начальник сантехнического отдела. Изобразил традиционное приветствие сантехников, наверное, им и придуманное, – рука вверх, потом вперёд – и торжественно произнёс:

– От имени общественных организаций отдела, от отдела в целом и от себя лично поздравляю вас, гномы, со счастливым обретением Белоснежки. Гип-гип, ура!

– Ну, Пал Фёдорыч! Ну ты, Пал Фёдорыч, даёшь! – откликнулся самый молодой и красивый гип. – Почему это мы гномы?

Сумрачный Александр Михайлович проворчал под нос:

– Вот так скажет, не подумав, а потом привьётся – «гномы, Белоснежка». Детский сад какой-то.

Остальные благодушно засмеялись: не стоит обижаться – их, мужчин, семеро, Светлана одна, да и корпят они целыми днями, выискивая в бумажных завалах алмазы, совсем как гномы.

Так закончился первый рабочий день Светланы в кабинете с табличкой «Главные инженеры проектов». Её не усадили за зелёный стол – его не оказалось. А тот обшарпанный, который ей доставили из экспериментальной лаборатории, хромал на две ноги, и его ящики не имели ручек. Оклада ей не прибавили. Но эти мелочи не омрачили её праздничного настроения. Стол она застелила зелёной бумагой, ящики наловчилась открывать гвоздём. На увеличение же оклада, в общем-то, не рассчитывала, «не в деньгах счастье».

И потянулись дальше для Светланы серые институтские будни. На следующий день Семён Григорьевич, который грозился уйти на пенсию, и которого в этом случае она должна была сменить, завалил её работой. Начал с того, что переложил со своего помпезного стола на её школярский стол кипу различных бумаг.

– Теперь это ваше хозяйство, – сказал он с ядовитой усмешечкой, – разбирайтесь. Тут текущие дела – разного рода мелочёвка. А в перспективе у вас проект реконструкции завода. Людям нужны холодильники. Вместительные и недорогие, много. Кстати, у вас холодильник есть?

У Светланы был – маломощный и малогабаритный, с крошечной морозилкой «Саратов». Но от большого холодильника она, конечно, бы не отказалась. Но только где было его взять, когда на очередь записывались, выстаивая не час и не два перед новым зданием магазина, воздвигнутым, однако, в ложноклассическом стиле, «под старину». У неё не было ни сил, ни терпения, ни времени на такое стояния, и поэтому она пассивно ждала того неопределённого часа, когда очереди исчезнут и торговые залы заполнятся красавцами холодильниками различных марок и объёмов.

И вот из пассивно ждущей покупательницы она волей случая превращалась в проектировщика, способного удлинить или сократить ожидание не только собственное, но и тысяч своих земляков.

Светла слышала и раньше, что завод, на территории которого ютился, не имея пока собственного здания, проектный институт, со временем начнёт выпускать бытовые холодильники. Но не представляла она, что время это настолько близко и уж никак не предполагала, что ей придётся возглавить проектную работу. Да и не считала себя к этому готовой, а потому смешалась, не зная, как на это известие отреагировать. Шеф заметил её растерянность и утешил:

– Не волнуйтесь! До разработки проекта ещё далеко – вы успеете набить рук и шишек. Пока же нам необходимо дать новой теме звучное и нетривиальное название, начинающееся, как вы понимаете, с буквы «а».

Зародившаяся мода давать великолепные названия магазинам, столовым, кафе проникла в исследовательские и проектные институты. На простеньких дешёвых картонных папках над строгими рядами цифр и формул, над прозаическим изображением деталей машин появились прекрасные слова-пришельцы: «Сольвейг», «Вербена», «Вега», «Бригантина». Красиво, романтично, но не очень рационально.

Для того, чтобы избежать путаницы и повторов, в институте решено было давать работам названия, начинающиеся с какой-то определённой буквы. Мудрые гипы выбрали букву «а». На неё приходится больше всего красивых слов. Нововведение внесло элемент

развлекательности в обычную рутинную работу. Каждая новая тема у гипов теперь начиналась с игры в слова. Участвовали все обитатели кабинета. К помощи орфографического словаря они никогда не прибегали. И хотя Семён Григорьевич вёл со Светланой конфиденциальный разговор, его слова о необходимости дать новой теме название коллеги не пропустили мимо ушей.

– Аппассионата! – выкрикнул самый молодой из них, демонстрируя свои музыкальные склонности и завидную реакцию хоккеиста.

– Альтерн...

– Вне игры! – остановил Семён Григорьевич. – Слово – руководителю проекта.

И Светлана мысленно стала перебирать слова, а память почему-то подбрасывала ей нечто несуразное: абракадабра, автомашина, автореферат... И вдруг, как озарение, вспыхнуло: агат! – и подбор закончился, будто больше не было слов на «а».

Накануне она побывала в ювелирном магазине, куда заглядывала полюбоваться украшениями, на приобретение которых никогда не было денег, как не было и необходимости эти украшения иметь. Не на работу же надевать серьги с подвесками, кольца с рубинами, бусы из топазов. Вне работы их тоже, в общем-то, негде было продемонстрировать. Интересных украшений в магазине не оказалось. Зато в одной из витрин рядом с обручальными кольцами лежала примечательная памятка и бросалась в глаза своим явным несоответствием их золотой парадности. На простом тетрадном листе кто-то, не заботясь о каллиграфии, написал название камней и против них названия месяцев.

Светлана с сожалением узнала, что майский камень, её талисман, – она родилась в мае – не весенне-зелёный изумруд и даже не зелёный, как новогодняя ёлка, малахит, а какой-то неведомый агат. Она представила его неопределённого цвета булыжником. В магазине агата не было, как, впрочем, не было изумруда и малахита. Но талисман всё-таки, пренебречь им было нельзя.

– Может быть, агат?– предложила она неуверенно, уже сознавая, что слову не хватает благозвучности, но в то же время желая, чтобы его приняли.

– Агат! Дамское какое-то название,– недовольно заметил Александр Михайлович. Он вёл проект реконструкции котельной одного из микрорайонов города и свою тему назвал строго и технично, по-мужски – «Арматура».

– А, по-моему, очень даже мило,– поддержал Светлану Анатолий Сергеевич. – Агат – прелестный камень. В таких, знаете ли, узорах. Древние применяли его как лекарство от укуса змей.

– Мне тоже нравится,– желая ободрить Светлану, одобрил её шеф,– думаю: если не от змей, то уж от вредных идей агат нас убережёт. Зарегистрируйте, Светлана Ивановна, это название в плановом отделе. С Богом!

Глава III

Знакомить Светлану со спецификой работы главного инженера проекта шеф не спешил Светлану знакомить, даже не повёл её на экскурсию по заводу. И если бы не Емельян Сафонович, с которым она сидела рядом, вряд ли бы ей удалось разобраться скоро во всяких гиповских премудростях вроде договоров, актов-процентовок, сопроводительных писем и различных заумных одна другую исключающих инструкций. Благодаря же бескорыстным наставлениям Емельяна Сафоновича она уже в конце первого месяца своего пребывания в новой должности бойко составляла смету очередной работы.

Светлане сначала казалось, что шеф не хочет ей помогать, потому что не намерен растить из неё себе конкурента. Она подозревала, что он вообще против её кандидатуры, испытывает обиду от Жориного «оригинального» выбора, не видит в ней достойной себе замены.

Но постепенно, после того, как она с Семёном Григорьевичем присмотрелись друг к другу, у них сложились вполне доброжелательные отношения. И он как-то обмолвился, что в любом обучении придерживается метода «глубинного погружения», а потому и предоставляет ей полную свободу действий, и этот кабинет, где собрались семь опытейших специалистов, может служить институтом повышения квалификации для многих инженеров. Старик стал относиться к ней даже с явной симпатией. Не будучи галантным, он, тем не менее, каждое утро колобком выкатывался ей навстречу из-за зелёного стола, чтобы помочь снять пальто, и так пожимал руку, что Светлане казалось, будто через мягкую ладонь старика ей передаётся тепло его сердца. Вот тогда-то она и поняла, что значит определение «теплое рукопожатие» и почему мужчины поддерживают древний ритуал рукопожатий, а женщины его избегают – слишком большую информацию он несёт.

Доброжелательность шефа, конечно, не исчерпывалась тёплыми рукопожатиями. Он всячески ограждал Светлану от неизбежных столкновений как с заказчиками, так и с исполнителями, особенно технологами, которые упорно считали, что она одна из них и не хотели ей подчиняться.

– Вы далеко пойдёте, Светлана Ивановна,– сказала ведущий инженер отдела, красивая дама, похожая на стареющую Анну Каренину. Светлана вернула ей неудачно

разработанную её группой планировку гальванического участка. – Вы далеко пойдёте, – театрально вздохнула она и, выдержав паузу, добавила: – Если милиция вас не остановит.

Об этой реплике Светлана шефу не сказала, но следующую опять-таки неудачную планировку гальванического участка он возвращал сам, как-то объясняясь с красивой дамой, хотя вновь забраковала планировку Светлана.

Не распекал, не журил он Светлану за её ошибки. Ни слова не сказал даже тогда, когда она проворонила и не подписала вовремя у заказчика акт-процентовку, едва не сорвала выполнение плана в сантехническом отделе. Всё как-то уладил и в тот же день дал ей корректировать письмо, которое написал в главк. А корректировать, в общем-то, было нечего: письма он писал мастерски, никто его в этом умении превзойти в институте не мог.

Семён Григорьевич окончил юридический факультет университета, потом Бауманское училище. «У него хоть и толстая шкура инженера, а юридическое нутро всё равно скрыть не может, – сказал как-то Анатолий Сергеевич, – и симбиоза у них не выходит. Так что ваш шеф, Светлана Ивановна, со своими двумя профессиями – ”не в городе Богдан, не в селе Селиван” или наоборот, не помню».

Коллеги Семёна Григорьевича недолюбливали, видимо, как раз за «юридическое нутро». Оно не позволяло ему рисковать и мешало рисковать его коллегам. А от риска порой зависело своевременное окончание работы и как следствие – премия. Раздражали коллег и его обвинительные речи, которые он произносил на планёрках, техсоветах, производственных совещаниях. Всё, что он говорил, было справедливо, но для многих слушателей обидно.

В институте Семён Григорьевич работал с самого его основания. Приехал из Саратова по приглашению Жоры, который некогда под его руководством начинал свою инженерную деятельность. Поселился в институтском доме, в однокомнатной квартире с балконом, и восемь лет прожил в ней одиноко, разводя на балконе алуию герань и по вечерам играя на виолончели.

Никто из новых сослуживцев ничего не знал о его прошлой жизни, о бывшем его семейном положении: Жора молчал, сведений в отделе кадров заинтересованным лицам добыть не удалось. «Заинтересованные лица» были у двух институтских перезрелых (лет шестидесяти) матрон: у заведующей библиотекой, пышнотелой, рыжеволосой дамы с ярко-синими (под цвет глаз) булыжниками на пальцах, и у ровесницы её, изящной, как бамбуковая трость, заведующей архивом. Примечательна она была тем, что красила седые волосы в голубой цвет. Обе дамы оказывали ему лет пять действенные, по их мнению, и одинаковые знаки внимания – попросту подкармливали домашней пищей, соревнуясь

друг с другом в её изысканности. А он, неблагодарный, взял и женился на не проявлявшей к нему внимания тридцатилетней копировщице – этакой птичке колибри, поражающей сослуживцев своими радужными нарядами и ярким макияжем. Правда, злые языки сомневались, что ей только тридцать лет, предполагали, что сорок, даже сорок пять. Но ведь и не шестьдесят с гаком, как ему.

Этой экстравагантной женитьбой Семён Григорьевич окончательно восстановил против себя институтское общественное мнение. По отделам поползли слухи, что ради птички колибри он оставил жену с двумя малолетними детьми и укрывается от алиментов.

Семёна Григорьевича все эти пересуды, казалось, не волновали. Он стал элегантен и весел, а в присутствии Галины, так звали его молодую жену, даже делался выше ростом. Что касается Галины, то её тоже осуждали, подозревали, что она вышла замуж за старика по расчёту, и донимали в открытую. Ей пришлось выдержать в копировальном бюро бой – все на одного. А все там собрались зубастые, те, что за словом в карман не лезут. Но не только в бюро ей пришлось объясняться. Светлана слышала, как она говорила в коридоре обступившим её женщинам, что уважает и любит мужа, что с ним она чувствует себя увереннее и значительнее, а что до его интимных качеств, то тут ему может позавидовать иной молодой мужчина.

Как-то быстро Галина из птички колибри превратилась в изящную даму бальзаковского возраста. Серо-голубые тона заменили радужную окраску её туалетов, золотые цыганские серьги уступили место серебряным с чернью. Она стала немного важничать, возможно, это была защита от нападок, слишком прямо держаться и говорить не спеша. Острословы прозвали её «мадам Баттерфляй».

Но всё это было уже историей, которая могла интересовать только новичков – со времени женитьбы Семёна Григорьевича уже прошло три года. Страсти в институте улеглись, все привыкли к этому необычному браку и перестали считать его необычным. Семён Григорьевич стал охотно рассказывать о своих «малолетних» сыновьях, один из которых уже сделал его дедушкой, а другой заканчивал институт. Училась заочно в институте и мадам Баттерфляй (это в её-то возрасте!), говорила, что не хочет мужу уступать в учёности. А злые языки втихомолку от неё сообщали, что муж делает ей контрольные и собирается идти на пенсию, чтобы освободить её от курсовых проектов и домашних дел.

Впрочем, на счёт ухода Семёна Григорьевича на пенсию злые языки, как и Жора, располагали какими-то давними сведениями. С тех пор, как Светлана начала с ним работать, он сам ни разу не заикнулся о предстоящем уходе.

– С вашим приходом, Светлана Ивановна,– веселился Анатолий Сергеевич,– у Семёна Григорьевича кардинально поменялись планы. Он теперь спешит на работу, как на праздник. Второй раз помолодел за последние три года: после женитьбы и вот теперь...

– Я его понимаю,– вступил в разговор Емельян Сафонович,– сам перестал о пенсии помышлять. Преисполнился каких-то новых сил, будто третье дыхание пришло. Наверное, это от Светланы Ивановны исходит мощная и добрая энергия. Как вы думаете, Александр Михайлович?

– А чего тут думать,– забурчал тот, не поднимая носа от бумаг,– американцы провели исследование и сделали заключение о неэффективности однополых трудовых коллективов, особенно мужских. Теперь женщин даже в армию, даже в полицию принимают.

– Стало быть, вы заряжаетесь от меня,– поддержала шутки Светлана,– а я-то думала, отчего так устаю в этом кабинете, как не уставала в технологическом отделе?

– Да не мы, не мы этому виною. Ваш шеф вас заездил,– продолжал нападать на отсутствовавшего коллегу Анатолий Сергеевич. – Ну, где он сейчас? В очередной командировке?

Шеф действительно в последнее время в командировки зачастил: то вместе с директором ехал в Москву на совет директоров, то летел в Томск в качестве личного консультанта начальника главка, то делал где-то в городе доклад. На сей раз он отправился на какую-то выставку.

Светлана не успела ответить Анатолию Семёновичу: ей позвонил главный технолог завода и попросил прийти, чтобы «разрешить некоторые недоразумения». Тон, каким это было сказано, давал понять, что «некоторые недоразумения» – далеко не пустяк.

На заводе Светлана бывала часто, познакомилась со многими начальниками различных служб, с главным инженером. Всё это были молодые (примерно её возраста) симпатичные и вполне стоворчивые ребята. И она решила, что недоброй памяти Вася нарочно пустил слух о тяжелейших условиях работы с ними, во-первых, чтобы набить себе цену, во-вторых, чтобы избавиться от работы с другими заказчиками, которые в основном находились в других городах. Он был мастер пустить пыль в глаза, этот Вася. И ведь добился того, что стал работать в основном только с этим заводом. А Семён Григорьевич, сменивший его был себе не враг, чтобы разрушить сложившееся у руководства института представление.

Размышляя, что за недоразумение имел в виду главный технолог завода, Светлана шла длинным узким коридором к его кабинету. Она не любила этих пронизывающих

заводские корпуса коридоров, серых, едва освещённых призрачным светом люминесцентных ламп. Они, всегда пустынные, казались ей уводящими в неведомое и страшное. Трудно было представить, что за их мрачными стенами солнечный свет, воздух, рабочее оживление. Поэтому она облегчённо вздохнула, когда от одной из серых стен отделилась такая же серая фигура и пошла ей навстречу. Ещё издали Светлана узнала Михаила Исааковича, с которым не виделась лет пять. Когда-то он был представителем заказчика от завода. Тогда в институте ещё не было гипов, работу сдавали непосредственные исполнители. И немало крови испортил им Михаил Исаакович своими дотошностью и придирчивостью. Он тоже узнал Светлану и пошёл ей навстречу с протянутыми руками.

– Светочка дорогая, как я рад тебя видеть! – Он поцеловал Светлане руку. – А ты совсем взрослой дамой стала. Взрослой и очень интересной. Позволь, я ещё раз ручку поцелую. О. колечко с гранатом приобрела.

– Это я в Праге купила.

– А, так ты в Праге умудрилась побывать! Завидую. Сколько же это лет мы не виделись?

– Пять.

– Пять – надо же, как время летит. А я за это время дипломированным специалистом стал – теперь стопроцентный инженер. Да! Жаль, значка не пришлось поносить – это ведь нынче не модно. Обидно, очень обидно! А ты, небось, не знала, что я не имел высшего образования?

Она знала, что он не имел и среднего специального образования – был талантливым самоучкой. Отсутствием диплома и объясняли институтские специалисты его излишнюю придирчивость, патологическое желание показать, что важен не диплом, а знания. Но чтобы сделать ему приятное, изобразила удивление и покачала головой.

– И ещё я стал важной персоной, – продолжал Михаил Исаакович с шутливой доверительностью, – заведующим лабораторией новых технологических процессов. На эту должность одно время претендовал ваш Вася. Да, кстати, где теперь ваш Вася Гутман?

Светлана сказала, что тот стал начальником отдела научной организации труда, НОТ, на приборном заводе.

– Хо-хо! Вот это я понимаю, устроился человек! А ты знаешь, как нынче расшифровывается аббревиатура «НОТ»? Новая организация тунеядцев! – Он засмеялся. – Ну а ты чем, моя дорогая, занимаешься?

Светлана с гордостью рассказала о своей работе, сообщила, что в качестве гипа идёт к главному технологу.

– Боже мой! Светлана, как могла ты затесаться в эту шайку старых жуликов? Они же только и знают, что грабят заводы, и не просто грабят, а заваливают их макулатурой. Вот и сейчас у нас накопился целый воз вашей так называемой новой технологии. А новая там разве что калька. И тебе сейчас придётся доказывать Кузнецову, что всё это весьма прогрессивно и уж, конечно, экономически целесообразно. Ну что же, ради нашей дружбы не буду тебе мешать, хотя это моя обязанность. Впрочем, я Кузнецову своё мнение высказал. Иди, мы с тобой не встречались. Эх, жаль мне тебя, девочка! – И Михаил Исаакович скрылся в серой стене.

Светла вошла в кабинет Кузнецова. У того на столе лежали две большие стопки – техпроцессы и чертежи оснастки.

– Вот полюбуйтесь, Светлана Ивановна! – Кузнецов наугад вынул из стопки техпроцесс.

Его листы пестрели пометками, видимо, Михаила Исааковича. Замечания были справедливыми. Светлана посмотрела на титульный лист. На нём имелись все необходимые подписи: исполнителя, проверяющего, руководителя группы и начальника отдела.

– Так чем вы это объясните? – Кузнецов положил руки на стопки. Вот здесь более ста процессов и около трёхсот чертежей оснастки. И всё пестрит ошибками, всё не увязано одно с другим. Что вы мне на это ответите?

– А я ничего не собираюсь вам отвечать. Я сама вас спрошу, как вы могли принять такое барахло? Вы ежемесячно платили деньги, не взглянув, на то, за что платите? Что делали ваши представители? Ведь их подписи тоже красуются. И всё это было принято еще полгода назад.

Она не сказала, что тогда не была ещё гипом, и с неё нынче взятки гладки. И хотя себя ей не в чем было упрекнуть, на душе у неё стало скверно: трудно защищать не собственную честь, а честь мундира.

– Ну что же, Павел Фёдорович, вы ведь сами отлично понимаете, что с юридической точки зрения ваша карта бита. За давностью времени вы не можете предъявить нам претензий. Но я попытаюсь что-нибудь сделать. Дайте, пожалуйста, несколько процессов.

«А что она можно сделать? – думала Светлана, идя назад тем же коридором и не замечая его мрачности. – Работа уже закончилась, средства исчерпаны. Исполнители занялись другой темой, и опять над ними тяготеют жесточайшие сроки. Вряд ли удастся засадить их за исправление ошибок. Но, если я ничего не смогу сделать, нечего мне рассчитывать впредь на добрые отношения с заводчанами. Бесполезно им доказывать, что

вся эта документация сдавалась до меня. Ситуация, как в любимой побасёнке Михаила Исааковича».

Побасёнку же Михаил Исаакович рассказывал такую. Небольшое общество занято дружеской беседой. В её разгар появляется некто и говорит, указывая на одного из собравшихся: «А вы знаете, у него сестра – воровка! Все шокированы. И этому одному бесполезно собеседникам доказывать, что у него и сестры-то нет.

Светлана решила сначала поговорить с начальником технологического отдела института, хотя на успех и не рассчитывала – необходимо было соблюсти субординацию.

Начальник отдела, Сан Саныч, не знал ни проектной, ни технологической работы и самостоятельно ничего не решал. За него это делали или главный инженер, или руководители подразделений отдела. Сан Саныч был ставленником Жоры. Тот переманил его с завода, чтобы в институте был свой человек, связанный с заводчанами узами братства. Всё заводское начальство некогда училось с ним в институте. Но кК только Сан Саныч ушёл с завода, узы порвались, и он из друга и брата превратился во врага и в предателя.

Светлана застала Сан Саныча, разговаривающим по телефону за громадным двухметровым столом, который подошёл бы для игры в пинг-понг. Это было его обычное занятие, правда, он ещё любил рыться в бесчисленных ящиках стола-гиганта.

Терпеливо дождавшись пока Сан Саныч кончит разговаривать с каким-то приятелем, Светлана рассказала ему о причине своего прихода. Он сразу заволновался и принялся выдвигать и задвигать ящики.

– Надо подумать,– Сан Саныч спрятался за какую-то бумагу,– посоветоваться с товарищами...

– Ну так советуйтесь и думайте! Время не терпит – мы сорвём график внедрения.

Через пару минут за «пинг-понговским» столом не осталось свободно места. Совещание оказалось бурным. Как и ожидала Светлана, технологи отказались переделывать работу, то есть исправлять свои ошибки.

– «Что с воза упало – то пропало»,– сказала заместитель Сан Саныча, Марина,– и нечего тебе на поводу у завода идти. Пусть платят, тогда постараемся начать со следующего месяца.

– Да как тебе не стыдно,– взорвалась Светлана,– требовать деньги за исправление своих же ошибок! Да это с вас штраф удержать за брак, как это делается на том же заводе.

– Смотрите, как она заговорила! – не сдалась Марина. – Вот что значит, потёрлась в верхах. Когда сама здесь работала и за план отвечала, небось так не рассуждала.

Не удалось Светлане и с конструкторами в отделе оснастки договориться, оставался только один путь – к Жоре.

У Жоры был большой роскошный кабинет. Недавно в нём поменяли мебель, купили гарнитур в стиле «ампир», с инкрустацией под золото. Дорогой гарнитур стеснял посетителей своим великолепием и непривычностью. И это, видимо, специально было задумано Жорой, любителем психологических экспериментов, как и неизмеримо большое пустое пространство между дверью и его рабочим столом. Пока посетитель шёл к столу, Жора держал его под прицелом своих светлых глаз, гипнотизировал, настраивал на удобную себе волну. Поэтому, наверное, в кабинете никогда не накалялись страсти, никогда никто не высказывал мыслей, неугодных его хозяину, и даже агрессивно настроенный вначале человек уходил удовлетворённым, унося трансформированные обрывки замыслов и представлений, с которыми входил сюда.

Но это были Светланины субъективные впечатления и предположения, ни с кем ими она не делилась и порой думала, что только на неё одну почему-то Жора так действует. От его психологического влияния она не могла избавиться несколько лет. Злилась на себя, дерзила Жоре и всё равно поступала так, он того хотел. А он держался то сухо официально, то был доброжелателен и даже заботлив и неизменно поражал Светлану осведомлённостью в её личной жизни. А она ведь, вообще, не отличалась откровенностью.

Теперь ей надо было, во что бы то ни стало, не попасть под Жорино влияние, высказать свои собственные мысли, и она старалась не смотреть на хозяина кабинета. А он, как всегда невозмутимый и величественный, возвышался над полированной гладью стола, как всегда был тщательно одет и причёсан. Самый безукоризненно элегантный мужчина в институте, и, по утверждению многих женщин, самый привлекательный, «интересный». Однако сейчас его притягательность не должна была отвлечь Светлану: ей необходимо было сообщить ему о намечающемся конфликте с заводом и убедить в необходимости переделок. Она рассказала Жоре всё так, как задумала, передала забракованные заводчанами технологические карты. Он слушал её внимательно, не перебивая и не гипнотизируя. И, ободрённая его вниманием, Светлана позволила себе выпад в адрес бывших коллег, чего в их отсутствие делать не следовало:

– Меня удивляет позиция технологов: гонят брак, да ещё и возмущаются, когда им на него указывают.

– А меня удивляет ваша производственная инфантильность, – тихо и грустно сказал Жора. – Неужели вы, Светлана Ивановна, не понимаете: отделу существовать надо, а

работать по-настоящему некому. Разве может сегодня создать что-нибудь путное, – он взглянул на подписи в технологической карте, – Анечка Балашова или этот проверявший её «творчество» Н. Кудрявцев? Вчерашние студенты – их же учить и переучивать надо! А где, скажите на милость, на это средства взять? Вот и учатся они, с грехом пополам работая. Ну станет ли настоящий, уважающий себя специалист заниматься работой, за которую больше 120 рэ не получит? И нажми мы сейчас на Анечку, на этого Н. Кудрявцева (выговора им закатаи или премии лишни), они на завод уйдут, в мастера подадутся, даже в рабочие. В общем, чтобы сохранить кадры, милая Светлана Ивановна, – Жора доверительно улыбнулся, – приходится иной раз закрывать глаза на всякие недоработки и неточности. Такова, увы, житейская мудрость, как говорят французы, савуар вивр.

– Но эта мудрость бесчестна, она развращает людей! – возразила Светлана запальчиво. – Каждый обязан выполнять свою работу добросовестно, независимо от того, сколько за неё платят.

– Видимо, вы не успели поделиться своими принципами и опытом со своими коллегами-технологами, – усмехнулся Жора. – Придётся вам возвратиться в технологический отдел, тем более ваша нынешняя должность штатным расписанием не предусмотрена. Мы пошли на... – он замаялся, – на некоторое нарушение, организовав для вас стажировку. Кстати, она одновременно была и испытательным сроком, которого вы, судя по вашей эскападе, вы не выдержали. Так что жду от вас заявления о переводе в технологический отдел «по собственному желанию».

Светлана покраснела настолько, что почувствовала, как ей обожгло кожу. И так, в ней сомневались, её проверяли, а она-то, дурра, радовалась повышению, нажила кучу завистников. «Что же сказать ему? Что сказать, чтобы проняло его, чтобы он понял – она не марионетка?»

А Жора добивал её вежливо и искусно, говорил мягко, доверительно:

– Я ошибся в вас, Светлана Ивановна, с таким настроением вам нельзя работать гипом. Боюсь, что вообще не стоит работать в институте...

И тут она увидела, какие у него при мягком тоне белые от злости глаза, и поняла: перед ней обычный чинуша, карьерист – такой уже не мог её загипнотизировать.

– Что ж, Георгий Тимофеевич, я признаю вашу ошибку, – заговорила Светлана весело, – вы действительно, не умеете подбирать кадры. И не один мой пример – тому доказательство. А вот заявления от меня вы не дождётесь и перевести или тем более уволить меня без скандала не сможете. Значит, я ещё поработаю в этом неопределённом качестве – вы ведь боитесь скандалов, Георгий Тимофеевич.

Всего несколько минут назад Светлана ужаснулась бы от мысли, что разговор с главным инженером института может принять такой оборот и что она способна на такую дерзость, а тут спокойно поднялась с ампирного креслица и вышла из кабинета и дверь закрыла, не демонстрируя своих эмоций. Однако в приёмной ей стало нехорошо. Она присела на стул, боясь потерять сознание у Жориной обитой чёрным дерматином двери. Вот был бы пассаж!

А что, собственно, произошло, думала она, развеялась иллюзия? Человек, перед которым трепетала, как кролик перед удавом, оказался обычным карьеристом, использующим в личных целях очковтирательство. Так стоит ли из-за этого сознание терять! Но нашатырный спирт на всякий случай носить придётся.

В конце рабочего дня секретарь пригласила Светлану к главному инженеру. У Жоры сидели технологи – давешняя компания во главе с Сан Санычем. Вид у всех был понурый и злой, явно получили от него взбучку. На столе лежали забытые Светланой технологические карты.

– Пожалуйста, проследите, Светлана Ивановна, – сказал Жора с одной из своих обаятельных улыбок, – чтобы всё здесь было самым тщательнейшим образом исправлено.

Он с брезгливой гримасой подвинул карты Сан Санычу, тот сейчас же передвинул их Марине.

– Не о каких дополнительных поборах с заводчан, – продолжал Жора, – конечно, и речи быть не может. А чтобы эти бракоделы без хлеба не остались, вернее без деликатесов (хлеб им зарплата обеспечивает) – я премию имею в виду, – придётся вам, Светлана Ивановна, что-нибудь придумать, – Жора улыбнулся, как улыбаются просители, и развёл руками. – Отнесите переделки... Ну я не знаю... За счёт «Амальгамы», что ли? Словом, подумайте. Уверен: вы найдёте выход. – Он посмотрел на часы. – Всё, товарищи, всё! В райком спешу. Всего вам доброго.

Технологи вскочили, поспешно задвигали стульями. Жора вышел из-за стола. Сказал у дверей Светлане тихо:

– Не держите на меня зла – погорячился, нервы сдали...

Глава IV

По дороге домой в автобусе Светлана мысленно всё возвращалась к событиям минувшего рабочего дня и, как ни старалась, не могла от них отвлечься. Обычно, чтобы

успокоиться, она считала окна и этажи пробежавших мимо домов или разглядывала отражавшихся в автобусном стекле пассажиров. Она как-то заметила, что уставшие, заурядные и даже некрасивые и старые лица, отражаясь в нём, вдруг преобразуются: становятся молодыми, привлекательными, значительными. Но выползший откуда-то из-за реки белёсый туман закрыл и дома и дорогу, отнял у стёкол способность к чудесным превращениям. Вот и не смогла она избавиться от мыслей: назойливого вопроса и горестных на него ответов-прозрений. «Почему я промолчала,— корила она себя,— когда Жора предложил свой вариант выхода из конфликтной ситуации? Да потому,— пыталась оправдаться,— что не поняла сразу: что вариант этот устраивает всех, кроме меня. Э, нет, голубушка, перед собой-то не лукавь — решила сгоряча, что сумела одержать над Жорой верх, доказать ему правильность своих доводов. А Жора обвёл тебя вокруг пальца, как наивную девочку, заменил одно очковтирательство другим, и уж к этому новому ты будешь полностью причастна».

Очень хотелось кому-нибудь поплакаться в жилетку. Такие подходящие жилетки были у троих: у отца (он в другом городе), у Емельяна Сафоновича (он отправился в командировку) и у милого друга Вадима. Но с этим милым другом, с этим верным мужем с каждым днём становилось всё труднее сосуществовать.

В последнее время он приходил домой только ночевать. Усталый и зачастую нетрезвый наскоро проглатывал ужин и, едва коснувшись подушки, уже счастливо храпел, отрешившись от всего земного. Когда же приходил раньше, обкладывался тетрадами и сидел, не разгибаясь, едва ли не до последних петухов. И Светлане было больно смотреть, как из общительного весёлого человека, он превращается в ломовую лошадь.

Началось это с тех пор, как он перешёл на преподавательскую работу, а она больше года была вынуждена оставаться дома с малышкой. Тогда его изнурительный труд имел основание — они только-только становились на ноги, у них не было самого необходимого, и прожить втроём на одну зарплату старшего инженера было почти невозможно. Вадим стал преподавать в вечернем политехническом институте. А потом случилось так, что работа по совместительству перетянула, и Вадим оставил своё конструкторское бюро.

Всё бы ничего, но оказалось, что преподавание у вечерников имеет свою специфику. Взрослые люди, в большинстве своём опытные специалисты, они меньше всего хотели учиться, цель у них была одна — получить «корочки», чтобы продолжать спокойно руководить какими-то некрупными производствами. И все они к этой цели шли общим путём: задабривали преподавателей, правда, по-разному. Как-то стоя в очереди, Светлана услышала разговор мужчин, по виду её ровесников, они обсуждали предстоящие

зачёты. На учебную подготовку ни времени, ни желания у них не было, но, тем не менее, они не сомневались, что зачёт получат и делились опытом, как при этом не переплатить. Светлана тут только узнала, что зачёт можно получить за плату и у Вадима она самая умеренная – одна бутылка водки с группы: «Староста поставит пол-литра водяры ему – и все лады! Мужик он стоящий, можно было бы и в кафешку с ним сходить, да он всегда домой спешит: говорят у него жена злющая баба».

«Злющая баба» поделилась этой информацией со «стоящим мужиком». Вадим захохотал:

– Да как ты, Светик, могла этот трёп принять на наш счёт? Во-первых, ты не «злющая баба», во-вторых, «не такой уж горький я пропойца», чтобы размениваться на подобные подношения, да и есть у нас ещё один Вадим. Забыла?

Она действительно забыла, что по совместительству преподавал в политехе сослуживец её Вадим Бубнов, из отдела спецоборудования. Но так просто она не сдалась и спросила:

– А почему же тогда ты приходишь навеселе и позже обычного?

И на это нашлось у Вадима вразумительное объяснение. Вечерники – взрослые люди, их группа – приятельская компания, в которую его приняли на равных, что ему весьма импонирует. Иногда у них, у вечерников, случаются знаменательные события, которые не грех отметить. Он в таких случаях не вправе отказаться. Что касается того, что приходит домой поздно, то ведь занятия вечерние, транспорт ходит плохо. На такси не наездишься. С институтом ему не хочется расставаться. Ходят слухи, что его сделают очным, тогда всё у них наладится.

Но очным институт не спешили делать, и семейная жизнь не налаживалась, хотя Светлана и боролась изо всех сил за незыблемость созданного ею домашнего мирка, где так уютно по вечерам светил торшер и мягко поблескивало пианино. Боролась не столько потому, что боялась остаться одна и лишиться привычного комфорта – ей казалось, что Вадима надо спасать: он находится во власти какого-то психического недуга и только поэтому стал равнодушен к ней и Мышке, поэтому всё чаще приходит домой, едва держась на ногах. Она не раз пыталась поговорить с ним об этом, советовала ему пойти к врачу. Когда заводила разговор на следующий день после его «весёлого» пришествия, он уверял, что абсолютно здоров, «здоров как бык», когда же, не сдержавшись, начинала ему выговаривать сразу по его приходу, он кричал, что ему надоел её деспотизм, её желание засадить его в четырёх стенах, да ещё заставить мыть посуду и пол. «Человек имеет право на отдых! – заявил как-то. – И не на диване с газетой в руках. Да, я люблю общество и

развлечения. Люблю выпить. Каков есть, таков есть, поздно меня переделывать. Ну да тебе с твоей женской логикой этого не понять».

Светлана его отлично понимала, потому что и сама любила развлечения и общество. «Человек создан для общества», – утверждала Полинька из «Доходного места» Островского, которую она играла в школе, и утверждение которой разделяла, как тогда, так и позднее. Но... Но существовал ещё семейный долг, долг жены и матери – и она после работы спешила домой к Мышке, к кастрюлям и грязному белью, отвергая соблазнительные предложения сослуживцев пойти в кино, театр или ресторан, а то и просто посидеть после работы в тесной компании гипов за бутылкой хорошего вина.

Кратковременные (как бы между прочим, но с целью трудового сближения) сборища за бутылкой сделались к тому времени, к концу 6х годов, некой социальной принадлежностью небольших организаций и подразделений интеллектуального труда. И часть интеллектуалов благодаря этому постепенно стала терять интеллект, превращаясь в заурядных пьяниц. Вадима это поветрие не миновало...

Светлана всё-таки проконсультировалась с психиатром – подругой своей приятельницы. Та, выслушав её жалобы и симптомы, изрекла: «Ничего страшного не вижу. Просто задурил мужик – вы десять лет женаты, нужны какие-то перемены. Обычно сбой семейных отношений у мужчин через семь лет брака происходит. И никакой патологии в этом нет. Беда женщин в том, что, выходя замуж, они полагают, будто приобрели себе ещё одну, самую близкую, подружку. Заблуждение! Мы разные и в психологическом отношении. Не учитывать разницы, не считаться с нею разумные супруги не должны».

Подобную сентенцию услышала Светлана и от разбитной венгерки – экскурсовода – во время своего путешествия по Венгрии. Очень современная на вид, много пьющая и курящая дама, неизменно, однако, падающая на колени в базиликах, та рассказала как-то не без удовольствия, что браки между венгерскими мужчинами и русскими женщинами в большинстве своём распались. «И всё потому, – заключила она, – что русские женщины хотят, чтобы мужья сидели на их юбках, а мужчинам надо волю давать. Нельзя отрывать их от мужской компании. Домашний мир – не удел настоящего мужчины».

Домашний мир, как заключила Светлана, не был и уделом и дамы-экскурсовода: в нескольких городах её с цветами встречали какие-то «вольные» мужчины. Но советы опытных женщин Светлана учла.

Вот так и стали жить они с Мышкой фактически вдвоём в каждодневном ожидании: вот раздалась на лестнице шаги – наверное, папины; нет, прошагали мимо; вот скрипнула внизу дверь – опять не он.

И теперь Светлана не была уверена, что застанет мужа дома, хотя он и обещал прийти рано.

Автобус на ощупь одолел последний поворот и подошёл к конечной остановке. Пассажиров в нём было совсем мало, Светлана и не заметила, как другие вышли. Туман сменился морозящим дождём. Она подняла воротник и побежала к дому. Окно в спальне светилось, значит, Вадим пришёл.

Дверь открыла Мышка, худенькое личико, синева под серыми глазами, перепачканные чернилами пальцы. Мышка было домашнее ласкательное имя девочки, которое она себе сама дала, когда ей было года два. Вообще-то, следовало её звать Женей, Геней, Еней – производными от Евгении, так и называли её в школе, но дома она продолжала оставаться Мышкой.

Мышка смотрела на мать растерянно и тревожно: на тоненьких ногах красовались выходные Светланины туфли, на диване на кресле и на стульях в гостиной валялись материнские платья. Девочка так увлеклась переодеванием, что пропустила время прихода матери, не успела ликвидировать следы своего запретного развлечения.

Вадима ещё не было. Свет в спальне зажгла Мышка, когда доставала из шкафа наряды. И Светлана сорвалась на ней. Девочке досталось и за перепачканные чернилами руки, и за беспорядок в квартире, и за не съеденный суп.

Мышка не дерзила и не оправдывалась. Она покорно слушала мать, хлопая тёмными, мохнатыми ресницами. На них поблёскивали предательски слезинки.

Светлане стало жаль её: совсем маленькая ещё девчурка предоставлена сама себе, если не считать четырёх часов, когда она в школе, да материнского дистанционного управления по телефону. Придя из школы, девочка одиноко сидит в квартире и ждёт родителей. Мать возвращается обычно в семь. На общение с дочерью остаётся всего два часа, из которых большая часть времени уходит на так называемое воспитание, когда приходится ругать девочку за неправильно сделанное школьное задание, невыученный урок по музыке, за грязные уши, да мало ли ещё за что. А утренний час, когда они вместе, проходит в такой спешке, что удивительно, как обе выдерживают столь бешеный темп.

Вытерев Мышке мокрые ресницы и обняв остренькие плечи, Светлана повела её ужинать. За ужином девочка звенела без умолку. Светлана ей рассеянно поддакивала, прислушиваясь к шагам на лестнице.

– Мамочка, – сказала вдруг Мышка, – когда я буду большой, я ни за что не женюсь.

– Это почему же? – Светлана улыбнулась, хотя и подумала, что к такому выводу девочка пришла из-за отсутствия отца. Однако, замявшись, Мышка объяснила:

– Терпеть не могу свадеб. На них люди такие глупые. Громко поют, совсем без мотива. Пляшут на улице, даже ходят в какой-то безобразной одежде.

– Мышка глупенькая, чтобы жениться, необязательно делать свадьбу. Люди устраивают свадьбы потому, что хотят на всю жизнь запомнить этот день, сделать из него большой семейный праздник. Но некоторые обходятся без свадьбы. Вот у нас с твоим папой свадьбы не было. И, знаешь, я сейчас жалею об этом.

Светлана не просто жалела, она каждый раз испытывала жгучую зависть, видя счастливых невест в традиционных свадебных нарядах и их элегантных торжественных женихов. Однажды даже не сдержалась и расплакалась на остановке напротив дворца бракосочетаний. Но Мышке об этом было рано говорить, и она прервала щекотливый разговор:

– Но тебя свадебные ритуалы пока пусть не волнуют: у тебя ещё всё впереди, они к тому времени могут измениться. А сейчас, детёныш, покажи-ка свои тетради.

В девять часов Мышка лежала в постели. Светлана вымыла посуду, выстирала колготки и попыталась почитать новый номер «Октября», но глаза только бегали по строчкам, прочитанного она не воспринимала. Её мысли теперь были заняты отлучкой мужа. Вечерних занятий у него в этот день не было, куда-то он собирался с утра пойти по делам, но обещал вернуться рано, «часикам к двум». Время близилось к одиннадцати вечера, а Вадим всё не шёл, и это обстоятельство было для Светланы куда важнее того, что произошло на работе. Сделанное ею неприятное открытие на заводе, стычка с Жорой, в общем-то, не меняло её жизни, а вот непонятное поведение Вадима ставило под угрозу существование их семьи. Она отложила журнал и принялась воспроизводить в памяти историю своих взаимоотношений с Вадимом, чтобы понять, где допустила оплошность, чтобы исправить, если ещё не поздно, ошибку, которая могла изменить не только её жизнь, но и Мышки.

Глава V

Всё произошло двенадцать лет назад, как казалось ей тогда, по её воле. На самом же деле она оказалась во власти непредвиденно для неё сложившихся обстоятельств, когда просто нет хода назад. Была она в ту пору глупой, самонадеянной, эмансипированной девчонкой, хлебнувшей (или попробовавшей?) в столице самостоятельной жизни и решившей, что ей всё ни почём. А потом, чтобы окончательно утвердиться в своей самостоятельности и независимости на распределении в институте пренебрегла Москвой и напросилась в Сибирь, чтобы хотя бы на время оторваться от

друзей и ещё быть дальше от родителей, опеку которых она чувствовала, хотя они и жили в другом городе. И воспитана была тогдашняя молодёжь так, чтобы мчаться в Сибирь, на Целину, осваивать новые, ещё не обжитые земли. «Нам нет преград ни в море, ни на суше...». Да и Федин многозначительный взгляд, упрасивающий «останься, останься», подействовал. Если бы Федя, присутствовавший на распределении, не смотрел так, возможно, она бы осталась в Москве.

И вот, чужой огромный, несуразный город, похожий на исполинскую деревню, ни одного знакомого лица, письма от близких идут по пять дней. Поселили её в комнате рабочего общежития. Девчонки (три их было) встретили в штыки: москвичка, стилияжка – ходит в брюках, стрижена под мальчишку, туфли на шпильках, да ещё и курит. Курить она никогда не умела – пускала пыль в глаза, вернее, дым, для солидности. Её за стилияжки наклонности даже к воспитателю общежития вызывали. Малообразованная, но привыкшая командовать недавними деревенскими девчонками, немолодая женщина пыталась воздействовать на её вкусы, в авторитарном порядке привить свои: потребовала подзор прикрепить к кровати, вышитые подушечки завести, как у всех, и не ходить по коридору к местам общественного пользования в брюках – костюм такой разлагающе действует на девочек. А девочки-то уже до приезда стильной москвички успели подразложиться: кой у кого поклонники оставались до утра, несмотря на вахтёра у входа и грозное предупреждение в рамке и под стеклом «пребывание посетителей в общежитии после двадцати двух часов строго воспрещается». Посетители же, мужского пола, не только пребывали всю ночь, но и спали в девичьих постелях. И однажды соседка по комнате, Анфиска, возмущаясь тем, что её подруга Оля вернула ей перепачканным и мятым платье, говорила: «Я тебе своё лучшее платье дала не для того, чтобы ты в нём с милиционерами в кустах барахталась». Оля и не подумала оскорбиться, только извинялась и пообещала платье выстирать.

В общем, не получилось дружбы с соседками по комнате, а инфантильность не позволила пойти к заводскому начальству и заявить своё право на отдельную комнату, которую ей пообещали на распределении, не только побежали, но и скрепили обещание подписью на какой-то бумаге. Но где эта бумага, в институте, в министерстве или на заводе, она не знала, а потому и решила, что бесполезно «права качать» – всё само как-нибудь устроится. К обитанию в различных общежитиях она привыкла за пять студенческих лет.

На заводе вскоре завязалось у неё несколько интересных знакомств. Но молодые специалисты, приехавшие из Казани и Куйбышева на год, на два раньше её, успели уже обзавестись семьями, и общение с ними не выходило за пределы заводской территории.

Молодые мамы после работы спешили в ясли и магазины, а папы, вертящиеся возле неё в рабочее время в техбюро, подхватив у проходной ожидавших их законных подруг, еле достаивали её кивка на прощание. Как-то в связи с этим она услышала в цехе разговор о себе двух пожилых мастеров: «Эх, пропадает такая девка! Замуж ей надо было в институте выходить». – Да, теперь ей женихи только второго сорта достанутся, бывшие женатики, да и тех ещё поискать надо».

И вдруг объявился Вадим. Познакомились они в её цехе, куда он пришёл по делам. Потом в тот же вечер он «случайно» встретил её в магазине и проводил до общежития. А дальше занимал очередь в столовой и ждал после работы у заводских ворот. И теперь уже она едва достаивала кивка своих производственных поклонников. Впрочем, они с появлением Вадима реже стали поклоняться.

Вадим не был навязчив. Он не говорил комплиментов, не распространялся о своих чувствах, не пытался поцеловать при прощании. Всё это очень подкупало в нём. Она терпеть не могла натиска в сердечных делах. Кроме того, он был по-родственному заботлив и внимателен: подарил ей варежки и носки из верблюжьей шерсти, ухаживал за ней, когда она заболела гонконгским гриппом. В отличие от других её знакомых, даже женщин, которые во время её болезни приносили ей шоколад и фрукты, он не стеснялся на общей кухне в женском общежитии варить пельмени и кипятить молоко. И так, казалось бы, без всяких усилий, совершенно естественно он стал для неё единственным близким человеком в огромном городе.

Возникшие между ними отношения не были похожи на все предыдущие её романы. Она влюблялась довольно часто и бурно. Однако то, что она считала любовью, и сопровождалось бессонными ночами, стихами, телефонными звонками и письмами, длилось обычно до тех пор, пока «предмет страсти нежной» не объяснялся. Тогда чувство кончалось. Человек оказывался вовсе не тем, кого она любила, становился навязчивым, несносным. Иногда её заинтересованность кем-то длилась довольно долго, её она тоже считала любовью, неразделённой, но, устав от неразделённости, без всяких страданий прекращала неопределённые отношения. Однако во всех этих случаях она не могла себя спокойно чувствовать в присутствии понравившегося ей человека: сердце отчаянно билось, она мучительно краснела, ненавидя себя за это, лезла из кожи, чтобы обратить на себя внимание, кокетничала, даже курить начала для солидности, для экстравагантности. Когда же инициатива принадлежала не ей, роман заранее был обречён на неудачу. Впрочем, все предыдущие романы и не предполагали счастливого конца, то есть не должны были привести к свадьбе. Партнёры были слишком молоды и несамостоятельны, чтобы обзаводиться семьями, отлично это сознавали, хотя и произносили искренне всякие

клятвы и уверения. По определению одного институтского философа, отношения эти были дружбой на сексуальном фоне, потому и назывались дружбой, говорилось: «Я дружу с Колей, я дружу с Аллой».

На сей раз всё было иначе. Во-первых, она не влюбилась в Вадима. Во-вторых, ему принадлежала инициатива в развитии их отношений. В-третьих, ей было ясно, что у него на её счёт, как говорится, серьёзные намерения. Да и возраст их (ему было двадцать восемь, ей двадцать три) не позволял уже им бездумно играть в любовь и довольствоваться только «вздохами на скамейке». И всё-таки ей не хотелось прерывать дружбы на сексуальном фоне, с её обычными аксессуарами: походами в кино и театр, музей, с лыжными прогулками, интересными беседами, – тем более Вадим предложения не делал. Ей казалось, что в случае такого предложения, она всегда может отказаться от замужества.

Время шло, дружба продолжалась, объяснений в любви не было. И она сделала решительный шаг – перестала отвечать Фёдору, своему бывшему руководителю дипломного проекта, молодому учёному, письма которого приходили по четвергам. В последних он уверял, что сделает всё, чтобы приехать руководителем практики на завод. Ей не захотелось его видеть. Слишком затянулось его «опекунство». Недаром она оторвалась от него – то чувство, которое казалось ей любовью, перегорело. А ведь каких-нибудь полгода назад она, прибегая с его консультациями, садилась, от полноты чувств, на пол, самозабвенно восклицая: «Девчонки, я влюбилась по уши! Такого у меня ещё не было!»

Месяца через полтора после их знакомства Вадим, как всегда, зашёл за ней после работы и пригласил к себе – приехали из деревни его родители.

– Ты, что же, смотрины мне хочешь устроить? – спросила она насмешливо – НЕ рановато ли?

– Нет, Светик, Нет! Совсем наоборот. Я ничего не говорил тебе о своих чувствах, во-первых, потому, что и так ясно, отчего двадцативосьмилетний мужчина обивает пороги молодой девушки, а, во-вторых, потому, что не имею пока морального права сказать тебе об этом. Ты должна познакомиться с моими родителями и, если примешь их такими, какими увидишь, я потом буду объясняться по всем правилам.

– Хорошо, я принимаю приглашение. Чтобы услышать, что ты скажешь.

Она согласилась, лишь бы оттянуть время – не сказать Вадиму тут же, что не разделяет его чувств, по крайней мере, пока. Ей показалось просто невозможным огорчить его в ту минуту отказом – выглядел он и так несчастным и настороженным.

В ближайшем магазине она купила торт и бутылку Муската. Её волновала предстоящее знакомство с матерью Вадима, хотелось ей понравиться, хотя она и не претендовала на роль невестки.

Пока трамвай шёл по широким деревенским улицам на окраину, она всё старалась представить эту женщину, о которой совершенно ничего не знала, и молчала. Молчал и Вадим. Дорога казалась бесконечной. Трамвай останавливался у каких-то столбов, где не было и намёка на остановку. Только через час они добрались до двухэтажного кирпичного, неказистого дома, который окружали покосившиеся деревянные сараи. Вадим стукнул в окно справа от входа, хотя у него был ключ. Дверь прихожей открыл высокий, моложавый блондин (лет пятидесяти), вид у него был обескураженный и огорчённый. Она с удивлением успела перехватить некий знак, который Вадиму сделал отец, после обычных приветствий. На него Вадим ответил зло и громко:

– Не утерпела всё-таки! Впрочем, на это я и рассчитывал.

В узкой комнате, обставленной с деревенским комфортом (разрисованный лебедями клеёнчатый коврик над кроватью, половики, трюмо, украшенное бумажными розами), за длинным столом, не покрытым ни скатертью, ни клеёнкой, сидела маленькая, тёмноглазая, тёмноволосая старушонка, с морщинистым лицом умной обезьянки.

Она не встала при их появлении, не пошевелилась, лишь произнесла певуче, голосом театральной сказительницы:

– Дорогие гостенёчки пожаловали – сыночек со невестушкой. Здравствуйте, дорогие дети, здравствуйте! Примите мой дорогой, чистосердечный привет и пожелания в работе и здоровье.

Она была ошеломлена, но не подала вида, смело прошагала к столу, поздоровалась с хозяйкой и вынула из сумки торт и вино.

– Это вам, – сказала, любезно улыбаясь.

– А мы, дорогая доченька, красного вина не пьём. Не пьём, не пьём, – не приучены. Мы всё больше белу водочку или самогончку, а то и бражки сварим. Да и выпила я уже тут, вас дожидаясь. А ты на меня, сыночек дорогой, глазками-то не поблёскивай. На свои пила, на кровные. Вот бутылочки сдала и четвертинку купила. Много ли старушонке надо! И тортов мы, сударушка, не идим. Не идим – от сладкого-то зубы болят.

Светлана смотрела на старуху и никак не могла понять, кто перед ней – пьяница, сумасшедшая или хитрюга-насмешница, неизвестно зачем решившая её разыграть. Самым разумным ей показалось делать вид, что она не находит ничего удивительного в поведении старухи. За ужином, который пришлось готовить Вадиму при участии моложавого, молчаливого отца, старуха продолжала говорить несурзные вещи. На сей

раз это был «политический» монолог с восхвалением «генерального секретаря товарища Хрущева» и жалобами на то, что ей пришлось оставить «передовое социалистическое производство», должность няни в детском саду. Она слушала старуху плохо, думая: «Боже, что же это? Бедный Вадим! С такой матерью можно и самому сума сойти».

Наконец званый ужин кончился, и Вадим поехал её провожать. В трамвае, кроме них, никого не было, люди в такой поздний час не стремились попасть в центр. В низеньких домах темнели окна.

– А сейчас мы пойдём в театр, – сказала она, только чтобы не молчать.

– Пойдём, но только едва ли успеем к театральному разъезду. Эх, Светлана, теперь ты поняла, почему я не имел права говорить с тобой? Вот такая у меня мать!

– А мне показалось, что она ломает какую-то комедию, чтобы шокировать меня. Только зачем ей это?

– Нет, дорогая, она была элементарно пьяна, причём на сей раз выпила очень немного, только для храбрости. А обычно она бывает совсем невменяемой, даже связывать приходится. Отец, чтобы дать мне возможность учиться, переехал работать бухгалтером в деревню.

– Бедный, бедный мой, – прошептала она и уткнулась мокрым лицом Вадиму в воротник.

– Вот видишь, какая между нами стена выросла, – Вадим тоже перешёл на шёпот, хотя в вагоне по-прежнему никого не было.

– Глупенький, разве нам обязательно с нею жить? Ведь живёшь же ты сейчас без них.

Ещё несколько часов назад она собиралась сказать «нет» и приняла приглашение, чтобы оттянуть неприятную минуту. Правда, Вадим этого не знал, но должен был, по её мнению, всё-таки сделать вид, что удивлён и осчастливлен, услышав её согласие, но вместо этого он как-то странно хмыкнул, лицо перекосила горькая усмешка.

– Это не всё, Светочка, я ещё не сказал тебе...

– Не надо! – Догадка пронзила её молниеносно, острой иглой впиалась в сердце, так что она не могла выдохнуть. – Не надо! – Ей всё-таки удалось выдохнуть эту иголку, но сердце щемило. – Я догадалась: ты был женат и у тебя есть ребёнок.

– Ребёнка нет. Но я документально не свободен, хотя мы и разошлись три года назад...

Судьба приготовила ей второе испытание. Почему, о чёрт, почему она сразу не сказала «нет»? Слишком много было для одной невлюблённой девушки пьяницы матери и законной жены. Для невлюблённой девушки! Но она стала другом Вадима и не подумала

о себе. Да и вообще не думала, а лишь чувствовала щемящим сердцем, что она одна может освободить хорошего человека от обрушившихся на него так несправедливо бед.

Но надо было ещё разыскать эту неведомо куда исчезнувшую жену, получить развод. Всё это требовало немало времени. Вадим уже в течение года вёл безрезультатные поиски, может быть, не очень усердно, так как не собирался в то время жениться. Она же, несмотря на свою эмансипированность и неверие в могущество бумажки, именуемой свидетельством о браке, не хотела становиться незаконной женой. В общем-то, она не была свободна от подобного рода предрассудков. Ей было далеко небезразлично, что по этому поводу подумает та же Анфиска.

Неизвестно, как долго проходила бы она в невестах, если бы не случайность. Случайности в её жизни играли не последнюю роль, мало того, они-то, пожалуй, и определяли все её важные, судьбоносные поступки.

На правах невесты она стала часто бывать у Вадима. Родители его вскоре после «смотрин» уехали в деревню. С их отъездом изменилась обстановка в узкой комнате. Теперь шкаф делил её на две части: собственно комнату и прихожую. Исчезли клеёнчатый коврик с лебедями и бумажные розы, объявилась откуда-то этажерка, забитая книгами, в основном учебниками, так как Вадим учился в вечернем институте на последнем курсе, зацвела старая, много лет не цветшая китайская роза. Нежданное цветение родители Вадима посчитали хорошим для него предзнаменованием, так как роза сажалась некогда в его честь, чуть ли не в связи с его рождением.

По воскресеньям она приезжала рано утром, по дороге заскочив на базар. Пока Вадим ходил за водой и топил печь, она готовила на электроплитке еду (Вадим жил с соседями) и находила в этом занятии необыкновенное удовольствие. Они даже, как настоящая семейная пара, иногда принимали гостей, и те уже не сомневались на их счёт.

Она понимала, что так долго продолжаться не может: Вадиму с каждым её посещением все труднее бороться с собой, она мешает ему учиться. Он то провожает её с работы перед занятиями, то забегает к ней после них. Они бродят за полночь у общежития, потом спохватываются – «счастливые часов не наблюдают». Вадим успевает или не успевает на последний трамвай, но как-то добирается до своего дома. Она неизменно волнуется, успокаивается только у проходной, где он её ожидает, потом они разбегаются по своим цехам. Её цехом недалеко от проходной, а ему ещё шагать и шагать.

Вадим несколько раз предлагал ей начихать на «китайские церемонии» и перебраться к нему. Однако она упорствовала и неизменно возвращалась к себе в общежитие, а потом не спала часов до трёх, раздумывая, как ей быть: исчезнувшая жена не находилась, и не было уверенности, что она найдётся в ближайшее время.

В одно из воскресений над городом разразилась пурга. С утра падал, медленно кружась, красивый, совсем декоративный снег. Он укрыл улицы, нахлобучил на дома белые шапки, повис на проводах и деревьях. Радуюсь такому белому чуду, горожане оставили свои тёплые квартиры, насиженные места у телевизоров. В городе стало необычное оживление. На бульварах и во дворах, как по волшебству, возникли из снега сказочные персонажи и забавные зверушки. По широким улицам покатали весёлые мальчишки.

Она надела под шубу лыжный костюм, взяла у Анфиски лыжи и на трамвае поехала к Вадиму. Но лыжная прогулка не состоялась. Погода вдруг резко переменилась. Ворвавшийся в город ветер попал в ловушку и принялся бесноваться, изо всех сил пытаясь вырваться на простор и натываясь при этом на дома и деревья. Белым смерчем перекачивался он с одной улицы на другую и, затравленно воя, обрывал провода, сносил крыши с ветхих домов. Утих лишь к полуночи, обессилено распластавшись на высоких сугробах.

Она сделала попытку выбраться домой. Проваливаясь по колено в снег, они с Вадимом добрались до остановки, Ни души, ни следов, ни рельсов не видно – белая целина. Прошагали до следующей – и там так же, да ещё поперёк улицы на самой её середине застрял автобус. Связь с центром прекратилась, по крайней мере, до утра. Они вернулись.

Вадим достал припрятанную на этот случай бутылку шампанского, поджарил колбасу.

А ей ужасно хотелось спать. Она едва не заснула на стуле, пока Вадим поспешно сдёргивал с кровати простыни, заменял их свежими, потом юркнула в постели и моментально провалилась в сон, не слышала даже, как Вадим примостился рядом. В общем, они проспали свою первую брачную ночь.

Наутро она оказалась в техбюро в лыжном костюме, но её вид никого не удивил, и вопросов не последовало. Все были заняты обсуждением стихийного бедствия и собирались идти расчищать заводскую территорию.

Перед обеденным перерывом в техбюро впорхнула Анфиска: рот подкрашен в три цвета, ресницы над крупными серыми глазами то и дело опускаются под тяжестью туши. Она работала в другом цехе, сюда пришла впервые, чуточку смутилась, а потому и громче, чем следовало, произнесла:

– Ты что же это, красавица, нас заставляешь волноваться – дома не ночуешь?

– У меня теперь другой дом.

– Ну что же, тогда поздравляю. Только имей в виду, милая, он женат и у него куча детей!

Анфиска удалилась, а её начали тормозить технологи, за технологами – мастера. К концу рабочего дня весь цех знал, что она вышла замуж за белобрысого парня из конструкторского отдела. Её, как водится, поздравляли «с законным браком», но кое у кого она уловила на лице что-то вроде соболезнования. Так она стала второй женой Вадима. Первая отыскалась только через два года. Потом родилась Мышка. Однако это событие произошло уже в другом городе, с Сибирью они расстались.

До рождения Мышки она была счастлива, особенно после того, как отпали терзания, связанные двусмысленным положением незаконной жены. Она любила Вадима уже не только как друг. Он вызывал у неё неведомые прежде приливы нежности. Смешно, но она не могла спокойно видеть его тонкого запястья, выступающего из манжета синего свитера – так и хотелось прикоснуться к нему губами. А сколько раз думала: какая же это удача, что они встретились, что она напросилась в Сибирь – судьба. С Вадимом было весело: него оказалась масса увлечений, и он с ней ими делился. Он прекрасно ходил на лыжах, плавал, стрелял, водил мотоцикл, любил и умел собирать грибы, правда, избегал белых грибов, считая их поганками. А самое главное – прекрасно пел. И она удивлялась, как его красивый тенор остался незамеченным специалистами, как сам Вадим не попытался показаться с ним на публике. Он охотно пел в разных компаниях, которые очень любил, вероятно, как раз из-за того, что там можно было вдоволь попеть, и всегда находился кто-нибудь, готовый аккомпанировать. Играть Вадим не умел. Но мечтал, что Мышка научится, а потому и купил пианино. Мышку они оба очень ждали, заранее любили, но с её появлением их семейной идиллии пришёл конец.

Вадим вынужден был больше работать, праздники кончились. Она с ребёнком на руках бегала по магазинам, готовила еду, стирала пелёнки и так изматывалась за день, что мечтала об одном – выспаться. А хитрющая Мышка, спавшая днём, устраивала ночью возню или верещала на весь дом.

Вадим приходил поздно. Усталый, он тоже претендовал на свою порцию внимания. Она разрывалась между ними, любя обоих, но Мышку больше. Как само собой разумеющееся, считая, видимо, что домашняя хозяйка должна всё успевать, Вадим перестал помогать по хозяйству. А поскольку она не работала, больше не советовался с нею, не рассказывал о своих делах. Ей же, кроме «отчёта» о вымытых пелёнках, поведать ему было нечего. Она стала терять друга и любимого. Вадим сделался требовательным, грубым. Несколько раз вспыхивали ссоры со взаимными упрёками и оскорблениями, но до разрыва дело не дошло. Мышка поросла, её отдали «в люди», к няньке. В семейной

жизни наступил штиль. Но прежнего счастья, о котором ей хотелось кричать на каждом углу, не стало.

Когда же Вадим начал пить? Вернее, приходит домой пьяным? Вообще-то, он никогда не был врагом бутылки, и это она обнаружила вскоре после того, как у него поселилась. Недаром же его матушка какие-то бутылочки сдавала. В окружении Вадима все много пили, поэтому и пришлось расстаться с сибирским городом.

Беда пришла, когда все сибирские собутыльники Вадима уже были в далёком прошлом. Накануне восьмого марта, Мышке было лет пять или шесть, Вадим позвонил и сказал, что идёт домой. Однако время, нужное на дорогу, давно прошло, а Вадима всё не было. Причины, заставившие мужа задержаться, представлялись ей одна страшнее другой: он попал под машину, на него напали хулиганы, он в больнице без сознания, в морге...

Вадим появился только после часа. И она, видя, как муж жесточайше пьян, всё-таки облегчённо заплакала – он жив. Наутро Вадим раскаивался, извинялся, уверял, что такое больше не повторится. Но, увы, повторилось, и стало повторяться всё чаще. Она прощала, несмотря на возникающие иногда безобразные, унижающие обоих сцены. Вадим стал родным ей человеком, и она не могла оставить его. Несколько лет назад, сражаясь за него с зелёным змием, она увезла его от друзей-приятелей, считая, что этого вполне достаточно. Теперь она поняла, что всё куда сложнее: дело не в изматывающей работе и не в психическом заболевании, а в наследственности, в тех самых бутылочках, на какие его мать раз за разом покупала себе чекушки. И при воспоминании о свекрови ненависть обожгла ей грудь и спину.

Часы внизу у соседей пробили три. Мысль о несчастье с Вадимом не оставляла Светлану, но не было уже прежней тревоги, появилось даже что-то вроде облегчения, какая-то подспудная надежда – это «что-то», наконец, избавит её от мучительных ожиданий и унижений, от необходимости что-то предпринимать. И она уснула.

Глава VI

Её разбудил телефонный звонок.

– Приветик! Вы там живые? – проскрежетал Люсин голосок.

– На две трети – да.

– А за отсутствующую треть не волнуйся – дрыхнет у меня. Нарисовался вчера в три еле тёпленький и сразу спать завалился. И сейчас спит или притворяется. Я ему ключи оставила, так что не волнуйся.

– Я тебе весьма признательна, но, право, мне неудобно...

– Э, дорогая, свои люди – сочтёмся. Ну я побежала, опаздываю.

Это был удар из-за угла. Всё это время, поняв, что не в состоянии пока что-либо изменить, Светлана старалась сохранить, по крайней мере, в тайне то, что у неё в семье происходит. И в какой-то мере это ей удалось: у неё на работе дамы завидовали её супружескому счастью, тем более Вадим иногда провожал её до проходной.

В свою трагедию она не посвящала даже Люсю, ближайшую приятельницу. На то были свои причины. Люся не умела хранить секретов ни своих, ни чужих. К тому же была излишне эмоциональна: там, например, где следовало повисить голос, она устраивала скандал с криком и крепкими словами, где достаточно было неприязни, она заряжалась ненавистью, чуть ли не на всю жизнь. Но другом при этом была верным. Для друзей могла терпеть всякие неудобства: вечно у неё ночевали какие-то родственники, знакомые или знакомые знакомых, пребывали чьи-то дети, родителям которых захотелось сходить в кино или в гости. Но при этом и родственники, и знакомые, и желавшие отдохнуть от детей родители не были застрахованы от того, что Люся не расскажет о них каких-нибудь пикантных историй.

И, услышав успокоительную информацию, Светлана испугалась, что Люся, жалея её, не преминёт сообщить общим знакомым, где и в каком состоянии ночевал Вадим. Ведь не утерпела же она, рассказала довольно широкому кругу знакомых, как спрятала возлюбленного в ванной комнате, когда его едва не застал вернувшийся из командировки муж, как, не дав мужу снять пальто, протолкнула его в кухню и висела у него на шее минут пять. Возлюбленный тем временем оделся и благополучно удрал, благо дверь ванной (совмещённого туалета) находилась как раз напротив входной. Ничего не подозревавшему мужу, который прореагировал на шум вопросом «кажется, кто-то вошёл?», она спокойно ответила: «Нет, вышел».

Но эту весёлую историю она могла и сочинить, несколько не беспокоясь о своей репутации. В её арсенале рассказчицы было много подобных историй. Их она приписывала себе, но порой они всплывали в анекдотах.

Любила она рассказывать, что у неё в буфете одно время стояла банка варенья с надписью «банка с мышом – для гостей второго ранга». В варенье побывала мышь, и оно, якобы потом подавалось гостям, но исключительно второго ранга. Эту историю знали решительно все, кому довелось пить у Люси чай, но они вправе были причислить себя к гостям первого ранга. Светлана тогда посмеивалась, поскольку сама же и рассказала Люсе эту историю, слышанную ещё в детстве от сослуживицы матери. Сослуживица

«банкой с мышом» иллюстрировала скупость своей старозаветной тётки, потому в банке и побывал какой-то мыш, а не обычная вездесущая мышь.

От таких примеров Люсиной фантазии и несдержанности Светлане стало тоскливо: теперь-то уж придётся ходить в жалкой роли жены, покинутой мужем пьяницей.

Но хандрить, плакать и отчаиваться она могла себе позволить только дома. На работе же появилась, как всегда, подтянутая, хорошо одетая, оживлённая, может быть, несколько больше обычного.

Первое, что Светлана решила сделать в то утро – пойти к Жоре и сказать, что ни на какие сделки она не согласна и что не заявила об этом накануне при всех, заботясь об его авторитете. Не заходя к себе, она прошла в секретариат и там узнала, что Григория Тимофеевича нет – уехал в Париж на выставку, и его командировка займёт больше месяца. О предполагаемой командировке в Париж говорили в институте давно, но не было известно, кто поедет, директор или главный инженер. Оказалось – конспиратор Жора, который до последнего держал свой вояж в тайне, хотя слухи ходили, что занимается французским языком. Обошёл и на этот раз директора. Директор в институте был человеком новым. Прежний не сработался с Жорой и подвизался где-то в другом месте, говорили, на какой-то второстепенной роли. Светлана решила к новому директору не ходить, а посоветоваться с Емельяном Сафоновичем, который должен был вернуться из командировки.

Емельян Сафонович выслушал её внимательно и сочувственно.

– За переделки, вызванные ошибками, – сказал он, – исполнителям, конечно, платить никогда не следует. А что касается того, что иной раз приходится нелегально, так сказать, перечислять деньги с одной темы на другую, то такова специфика нашей работы. К сожалению... Опытного гипа она, как правило, не волнует. Так что зря вы беспокоитесь, Светлана Ивановна. А эту кляuzu оставьте Семёну Григорьевичу, пусть сам разбирается: это его недогляд.

Емельян Сафонович вот уже пять лет вёл проект реконструкции одного из украинских заводов холодильников, и не было видно конца этой работе. Как только дело шло к завершению, свыше поступали указания, и работа начиналась сызнова. Причём денег на переделки никто не отпускал, и главный инженер проекта, гип то есть, изворачивался как мог. Ему всё-таки удалось довести проект до стадии рабочих чертежей, дело было только за экспертизой. В институте праздновали победу – объект уже всем порядком надоел. И тут сверху поступило ещё одно указание: увеличить программу выпуска на 30 процентов, рабочие чертежи в качестве рабочего задания представить в

главк на утверждение. На сей раз деньги на переделки отпускались, и большие, сроки, как обычно, давались минимальные, хотя практически нужно было начинать всё с нуля: увеличенная программа требовала дополнительных площадей, оборудования, рабочей силы. Чтобы всё это увязать, проектировщикам нужно было работать по меньшей мере ещё год. А завод тем временем уже выпускал готовую продукцию. За пять лет, пока шла его реконструкция на бумаге, он потихонечку реконструировался самостоятельно (заводчане изредка консультировались с проектировщиками) и почти достиг первоначальной проектной мощности.

День выдался на редкость спокойный: никто не звонил, не устраивал скандала, не хлопал дверью, не было никаких совещаний. С отъездом Жоры институт затих, впал, если не в спячку, то в дремоту, что было всегда во время его отсутствия. Это не означало, что работа прекращалась, просто исчезала нервозность в ней, замедлялся ритм – часто показная спешка.

В такие дни в кабинете гипов стихийно возникали всякого рода дискуссии, не имеющие никакого отношения к производству. Начинались они обычно в обеденный перерыв, минут за десять до его окончания, и длились до вечернего звонка.

На этот раз обсуждалась инсценировка «Братьев Карамазовых» в местном драматическом театре, попасть на которую после рецензии на спектакль в столичной прессе было не так-то просто. Гипы умудрились как-то достать билеты и бурно обменивались восторгами.

Светлана сидела молча в своём уголке. Её молчание было замечено, и к ней сразу несколько человек обратилось с вопросами:

– А вы почему молчите, Светлана Ивановна?

– Ваше мнение?

– Что скажите?

– Я не видела спектакля.

– Вы? Не видели! Поразительно!

– Светлана Ивановна, наверное, не любит смотреть инсценировок великих произведений. Я её понимаю, – вступился за Светлану Сергей Анатольевич.

– Да, вы правы. Мне кажется, что трансформированное произведение теряет свою индивидуальность. Значительно упрощается. Становится чем-то вроде школьного изложения. Правда, порой становится интереснее, сильнее. Например, кинофильм Пырьева «Идиот». Я много раз безуспешно принималась читать роман Достоевского, но так его и не одолела. Картина же произвела на меня сильное впечатление. Но это уже был

Достоевский в изложении Пырьева. В чьей-нибудь другой интерпретации «Идиот» выглядел бы иначе. Различен ведь князь Мышкин в исполнении Яковлева, Гриценко и Смоктуновского. А «Братьев Карамазовых» я не читала.

На лицах присутствующих отразился ужас: молодая интеллигентная женщина открыто признавалась в своём невежестве. И тут опять Сергей Анатольевич пришёл на помощь:

– Ах, как я вас понимаю. Вы оставили это произведение как бы на закуску. Вы получаете наслаждение от одного предвкушения чтения!

– Да нет же, Сергей Анатольевич, я вообще не собираюсь читать «Братьев Карамазовых». Я абсолютно не разделяю нынешних восторгов Достоевским и не боюсь от этого показаться несовременной. Мне приходилось читать кое-что Достоевского (начала с «Преступления и наказания») ещё в юности, по настоянию бабушки. Он был в ту пору под запретом, но у нас в городе жили ещё старушки, восторгавшиеся им в юности, хранившие его произведения. Я училась с их внучками и правнучками, а потому смогла прочитать запретных Чарскую, Вербицкую, Винниченко...

– Ну и всеядность же у вас! – не выдержал Александр Михайлович.

– Не всеядность, а юношеская тяга к недозволенному. Запретный плод сладок, как известно, – Сергей Анатольевич продолжал выступать в роли защитника. – Да, кстати, не одобрявший Винниченко Ленин не признавал и Достоевского и даже как-то назвал его архискверным.

– По-моему, уже то, что им увлекаются на Западе и считают певцом русской души, говорит не в его пользу. Да разве типичны для русских его полусумасшедшие, истеричные, слабовольные герои.

– Светлана Ивановна! – возмутился Александр Михайлович. – Вы явно претендуете на оригинальность. Но всему есть предел, и каждый культурный человек...

– И каждый культурный человек, простите меня, я вас перебую, – подхватил фразу Емельян Сафонович, – должен отличать Бабея от Бебея, Бебея от Гегеля, Гегеля от Гоголя, а последнего от гоголь-моголя. Вот так-то, Светлана Ивановна. И конечно, никогда не следует выступать против маститых и талантов, признанных публично. Против неизвестных – пожалуйста. Вот на днях Сергей Анатольевич с таким пылом критиковал повесть «Записки серого волка» молодого эстонского автора Ахто Леви, и Александр Михайлович ни слова не произнёс в его защиту.

– Я не читал повести, – буркнул Александр Михайлович.

– Рекомендую прочитать, – сказал Сергей Анатольевич, – тогда и поговорим. А вы, Светлана Ивановна, ещё не читали, повесть широко рекламируется?

– Я знакома с автором и читала отрывки повести в рукописи.

– Интересно! Интересно! – слышалось из-за всех столов. – Расскажите, пожалуйста.

Светлана рассказала, как познакомилась с Леви. Тогда он не был ещё признанным писателем и только что сдал рукопись в издательство. Какие-то дела привели его в Кишинёв, где она была в это время в командировке. Их номера оказались в гостинице рядом. Она сначала думала, что её сосед – Георг Отс, так прекрасно он пел по-эстонски. Потом они познакомились в гостиничном кафе. Сосед оказался очень искренним даже наивным человеком, совершенно не знающим жизни, словно долгое время пребывал в консервации.

– Да так оно и было! – оживился Сергей Анатольевич. – Леви чуть ли не двадцать лет просидел в одиночной камере за то, что в юности, почти мальчишкой, помогал лесным братьям. Эта повесть автобиографическая.

Заговорили об интересных знакомствах. Молчавший обычно гип, ведающий строительными работами, рассказал, что познакомился с Юрием Гагариным. Собственно, не познакомился, а лишь представился и получил у него автограф. Да не где-нибудь на торжественном мероприятии, а просто в сквере. Гагарин инкогнито приезжал в город, ходил по улицам. Его не сразу узнавали, потому что не ожидали увидеть. И в сквере он был не тот час узнан. Когда же это произошло, невесть откуда набегали люди и окружили его. Самые догадливые ринулись к палатке союзпечати и раскупили там все брошюры. Гагарин потом больше часа подписывал их.

Вспомнив Гагарина, посокрушались, что уже почти год, как нет его в живых, что погиб он как-то нелепо, во время тренировочного полета на самолёте.

Потом гипы вернулись к прерванной теме. Александр Михайлович буркнул, что мальчишкой ловил рыбу с Паустовским, копал ему червей.

Однако пальма первенства в разговоре о знаменитостях досталась Сергею Анатольевичу. Среди его знакомых были и видные учёные, и артисты, и писатели. Правда, это всё в основном были друзья юности, дружба с которыми прервалась в одну из страшных ночей тридцать седьмого года, когда его арестовали. Но и до сих пор со многими он всё-таки поддерживает связь, которая носит теперь эпистолярный характер: в память о прошлом бывшие друзья обмениваются поздравительными открытками. Не далее, как неделю назад, он получил, например, открытку от Сергея Михалкова.

Насладившись произведенным эффектом и перехватив чей-то недоверчивый взгляд, Сергей Анатольевич сказал, бравируя, что все эти знакомства со знаменитыми людьми никогда для него особого интереса не представляли. Всё это были люди его круга,

одного поля ягода. Наиболее же интересным знакомым он считает некоего «урку», с которым его судьба свела в лагере. И вот этот урка рассказал ему столько историй, что их хватило бы на приключенческий цикл. Одну из них Сергей Анатольевич принялся пересказывать, весело поблескивая вишнёвыми глазами и смачно причмокивая. Но Светлане не удалось послушать: её вызвали в сантехнический отдел. Когда же она вернулась, рабочий день уже окончился, и в кабинете уже хозяйничала со шваброй в руках тётя Паша.

Тётя Паша всегда приходила незадолго до звонка, когда все обитатели кабинета бывали в сборе, и вела с ними оживлённую беседу о грибах. Тема изо дня в день оставалась неизменной, несколько менялась её суть: то грибов бывало мало, то много, то пора было готовить под них корзины, то речь шла о новейшем маринаде... На этот раз Светлана на беседу опоздала, тётя Паша была одна.

– Там вам записка на столе, – сказала она.

Светлана взяла записку и прочитала: «С.И., вас очень просили позвонить по номеру 7-29-10». Это был телефон Вадима.

«Жизнь подобна колесу» – первое, что пришло ей в голову. Потом эта мысль развивалась примерно так, пока она набирала номер: целый день здесь, на работе она чувствовала себя человеком деятельным, нужным, сильным. И вот, стоило увидеть этот номер, и она превратилась в заурядную слабую бабёнку. Испугалась самой записки – а вдруг это звонил не Вадим, кто-нибудь из его сослуживцев, чтобы сообщить ей нечто о нём ужасное...

К телефону же между тем никто не подходил...

У Светланы даже лицо изменилось от волнения. И, заметив это, тётя Паша утешила:

– Да не тревожьтесь так: сегодня не дозвонились – завтра дозвонитесь.

– Эх, тётя Паша, – только и ответила она, нахлобучив, не взглянув в зеркало, шляпку, поспешила к проходной.

За проходной её ждал большой букет белых нарциссов, празднично завернутый в блестящий целлофан. Жалкий вид и слова, которые бормотал Вадим, протягивая ей букет, так не вязались с торжественным великолепием цветов, что ничего не оставалось Светлане, как принять их. Окрылённый Вадим подхватил её под руку, и тут же за их спинами раздался завистливый шёпот:

– Затянувшийся медовый месяц. Везёт же людям.

Светлана не стала выяснять, кто так заблуждается.

В тот вечер они в очередной раз помирились, и втроём, с Мышкой, отправились в кафе «Снежинка». Мышка крепко-крепко держала их за руки, весело щебетала, обращаясь то к одному, то к другому. А перед сном она каждого из родителей долго целовала и каждому говорила:

– Я тебя очень, очень люблю! – Маленькая, хитрая Мышка.

На следующий день приехал Семён Григорьевич и «обрадовал» Светлану, сказав, что заниматься текущими делами не сможет, поскольку получил от начальника главка персональное задание – в течение месяца разработать план технических мероприятий по перспективному развитию подотрасли на ближайшую пятилетку. А так план будет обсуждаться в министерстве, он намерен делать эту чрезвычайно важную работу сам и уйдёт, чтобы не отвлекаться, в глубокое подполье – запрётся в пустующем пока кабинете Жоры.

Семён Григорьевич посмеялся над Светланиными волнениями, вызванными злополучными техпроцессами, и объяснил:

– Во всём виноват Сан Саныч с его связями. Это он сам всё сдавал. Вот пусть теперь и расхлёбывает. Мы с вами тут ни при чём.

– Но пятно ложится на весь институт.

– Эх, Светлана Ивановна, на солнце и то есть пятна, а что до нашего института, то его уже не отмоешь. Выделить технологическому отделу некоторую сумму мы можем. Ассигновали мне в главке кое-что для новой темы. Только Сан Саныч за свои художества ничего не получит. Лучше я эти средства на экспериментальные работы пушу. Есть у меня любопытная идея, но мы о ней поговорим в другой раз.

Вопрос был исчерпан. Оказалось, тема, из-за которой Светлана лишилась душевного равновесия, которая развенчала её кумира Жору, не стоила выеденного яйца, и можно было о ней забыть. Но Светлана всё-таки предупредила Сан Саныча, что переделки финансироваться не будут.

– Ну что ж, – произнёс он мрачно, – цыплят по осени считают. До конца месяца ещё далеко.

Глава VII

Месяц промелькнул невероятно быстро, словно в нём и не было тридцати одного дня. Да и сами дни казались какими-то укороченными. Светлана часто работала и по вечерам, но всё равно приходилось ещё что-то оставлять на завтра.

Семён Григорьевич действительно засел за полированный Жорин стол, завалил его бумагами, водрузил на него счётную машинку, отчего бедняга-стол сразу уменьшился, сник. И вообще от торжественной помпезности кабинета не осталось и следа. На стульях тоже громоздились бумаги, папки, книги.

Семён Григорьевич намеревался работать сам, это не означало, что он один будет сидеть в кабинете, рыться в бумагах и советоваться с потолком. Юридическое нутро не позволяло ему брать всю ответственность на себя, да и времени было мало.

В кабинете без конца хлопала дверь – входили и выходили специалисты, которых Семён Григорьевич вызывал на консультацию, стрекотала в углу пишущая машинка. Главный технолог завода что-то лихорадочно прикидывал на логарифмической линейке. Ведущие инженеры листали каталоги отечественного оборудования и проспекты зарубежных фирм, шепча, как заклинания: «Триульцы, Куаси, Шлёеман». Обстановка напоминала ночь перед экзаменом, и так каждый день.

Светлана металась между кабинетами, советовалась с Семёном Григорьевичем по текущим делам, сама выступала в роли консультанта, подбирала необходимый шефу материал, разыскивала нужных ему людей.

А тут ещё город заполонил грипп, и нужные люди не являлись на работу. Светлана тоже прескверно себя чувствовала, но видя, как стойко держится шеф, как всё позже и позже уходит домой, решила не сдаваться. Однако посетила врача, и они побеседовали по душам. Светлана описала сложившуюся на работе обстановку, врач посочувствовала и заверила, что температура 37,4 и давление 140/100 угрозы для жизни не представляют, и вполне можно трудиться, тем более институт – ведь не стройка.

Успокоенная Светлана продолжала работать, только по лестницам не могла бегать, как раньше, задыхалась. Емельян Сафонович посоветовал ей отлаживать дыхание по системе йогов: «четыре ступеньки – вдох, четыре ступеньки – выдох».

Пока она осваивала эту систему, месяц кончился. Жорин кабинет приобрёл прежний вид. На столе Семёна Григорьевича в кабинете гипов красовалась стопка отвратительно пахнущих клеем (только что из переплётной мастерской) метровых альбомов. В них содержались мероприятия по перспективному развитию подотрасли, осуществление которых сулило ей превратиться в самую передовую подотрасль министерства, а заводу, на территории которого осел институт, в опытно-показательное производство.

Наступил день, когда Светлана впервые побывала на планёрке по подведению итогов. Эту планёрку гипы называли «день страшного суда». Её число, час и место заранее были известны, как и то, кому нужно на ней присутствовать, однако секретарь с длинным списком с утра ещё и оповестила каждого, хорошо поставленным, но лишённым интонаций голосом сообщая:

– Сегодня в 14 часов 30 минут в кабинете директора состоится планёрка. Вы приглашены».

Светлана неожиданно попала в число приглашённых. Прежде на планёрке бывал только Семён Григорьевич. По этому поводу кто-то из гипов мрачно пошутил:

– Ну вот и вы, наконец, предстанете перед всевышним.

Шутку не подхватили. Все гипы были, как всегда, в этот день в миноре. Если выполнившие и перевыполнившие план начальники отделов ждали похвал и поощрений, а не выполнившие – разноса, то гипы никогда заранее не знали, какой сюрприз им готовится, и чувствовали себя в этот день школьниками, не выучившими урока – вызовут, не вызовут. А потому с утра были мрачны и ворчливы.

Время до 14 часов 30 минут тянулось томительно медленно. Наконец за пять минут до назначенного срока в кабинете директора собрался весь управленческий цвет института.

Кабинет директора был меньше и скромнее Жориного, но видимость субординации соблюдалась, и все собрания на высшем уровне проводились здесь. Председательствовал всегда директор, а Жора скромно сидел в углу под пальмой, прикрыв глаза (этакий дремлющий беркут), что не мешало ему задавать тон собранию лаконичными и меткими репликами. На этот раз место под пальмой пустовало – Жора ещё не возвратился.

Начальник планового отдела познакомил собравшихся в результатами выполнения плана. Институт выполнил план на 100,2 процента. Ряд отделов значительно перевыполнили план (были названы соответствующие цифры), два отдела, технологический и оформления, с планом не справились. На этом информация начальника планового отдела кончилась, он облегчённо вздохнул и закрыл пухлую папку.

– Итак,– сказал директор,– послушаем именинников, Начнём с дамы. Прошу вас, Вера Петровна.

– Но, Игорь Николаевич, я же вам уже говорила и даже в накладной написала, что план не будет выполняться до тех пор, пока не решится вопрос со штатами. Девочки и так берут работу на дом. Кроме того, вы прекрасно знаете, Игорь Николаевич, что наши

возможности в оплате труда не безграничны. Вы же всё знаете, Игорь Николаевич, так к чему повторяться.

Директор смотрел на Веру Петровну удивлёнными голубыми глазами и сокрушённо покачивал головой.

– Я-то знаю, дорогая Вера Петровна, да вот товарищи не знают.

– А что изменится от того, что они узнают?

– Ну знаете ли, мы не для того собрались, чтобы разводить здесь дебаты. У нас время ограниченное. Садитесь, пожалуйста.

«А для чего мы, собственно, собрались? – подумала Светлана. – И зачем здесь столько людей? Какое отношение к плану имеет начальник административно-хозяйственного отдела, заведующий архивом?»

– Слово следующему герою дня, – прервал её мысли бархатный баритон директора, – хотя пока неясно, кто же истинный герой. Александр Александрович представил мне любопытный документ, копию – в партком и местком, – которым утверждается, что виноват во всём гип, отказавшийся из принципа профинансировать работу.

«Вот оно чем вызвано моё приглашение сюда», – мелькнула у Светланы догадка. Она попыталась было встать, но начальник сантехнического отдела придержал её за локоть: всё представительное собрание смотрело не на неё, а на семерых гипов, сидящих на своих персональных в ряд у стенки. И, к удивлению Светланы, все семеро заёрзали под этими взглядами. Каждый принял сказанное на свой счёт, а ведь это относилось только к ней одной. Она рывком поднялась и тут же увидела – вскочил весь красный и злой Семён Григорьевич.

Прежде чем представить своё алиби, я позволю себе спросить, был ли ознакомлен выше упомянутый гип с этим «любопытным документом»? Ах, не успели! А не кажется ли вам, уважаемый Игорь Николаевич, что, не назвав фамилии обвинённого, вы наносите психическую травму каждому из гипов? Каждый из нас может принять сказанное на свой счёт.

– Но порка на свой счёт приняли только вы, Семён Григорьевич, – усмехнулся директор, – и, надо сказать, интуиция вас не подвела. А теперь, пожалуйста, познакомьтесь с докладной.

Семён Григорьевич прочёл докладную вслух. В ней говорилось, что технологическим отделом были разработаны, а гипом сданы заказчику техпроцессы в количестве двухсот наименования, что гип С.Г. Скворцов принял, спустя шесть месяцев,

эти процессы назад на переделку, связанную с изменением конструкции изделия, включил работу в план отдела и не оплатил её.

– Что я могу сказать? – Семён Григорьевич потёр руки, – ко всему изложенному я. В общем-то, не имею прямого отношения. Начну с того, что технологии сдавал сам Александр Александрович. А я их ещё и в глаза не видел. Кстати, они сданы без накладной. Да, её нет в деле договора. Что касается конструктивных изменений изделия, то они затронули только пять техпроцессов, которые давно переделаны заказчиком. Заказчиком! Принять же техпроцессы на переделку мы вынуждены были из дипломатических побуждений, спасая честь мундира, так как заводу была сдана куча хлама. Так за что же я, Игорь Николаевич, должен был брать деньги с завода, за ошибки, Э за неумение или нежелание добросовестно трудиться

– Но Георгий Тимофеевич в присутствии Светланы Ивановны, в отсутствие Семёна Григорьевича... замямлил Сан Саныч.

– Позвольте мне, Игорь Николаевич, ко всему случившемуся я имела отношение, и мне хотелось бы внести ясность. Георгий Тимофеевич...

– Не надо, Светлана Ивановна, мне и так уже всё ясно. Придётся мне отдельно разбирать этот вопрос с Александром Александровичем в рабочем порядке. А сейчас...

Что последовало за этими словами, Светлана не слушала. Она думала, что напрасно решила, будто инцидент с техпроцессами «выеденного яйца не стоит», вот ведь какая каша заварилась. И Семён Григорьевич нашёл время вникнуть в обстоятельства конфликта, хотя вроде бы ничем другим не занимался, кроме пресловутых мероприятий. Поднял договор, созвонился с заводчанами, впрочем, ему и не надо было к ним ходить, им звонить – они сами к нему приходили. Он преподавал ей очередной урок (доверяй, но проверяй) своим излюбленным методом глубинного погружения, организовал ей присутствие на планёрке – учит.

– Что ж, товарищи, наше время истекло. Пора закругляться, – сказал директор, – правда, пять минут ещё можно предоставить для краткого выступления, по существу. Вы что-то хотели сказать, Анна Акимовна?

Поднялась преисполненная собственной значительности начальница административно-хозяйственного отдела, АХО.

– Да я, Игорь Николаевич, насчёт того, что уж больно сорят у нас. А технологи, так те окурки на шкафы бросают. Уборщицы обижаются, и пожар возникнуть может.

Ответственного за пожарную безопасность на планёрке не оказалось. Вопрос отложили для рассмотрения в рабочем порядке – Анна Акимовна высказалась по существу.

После планёрки в гиповском кабинете царило почти предпраздничное оживление: все громко разговаривали, шутили. Планёрка постфактум представлялась шутниками исключительно в комических тонах, была чем-то вроде фарса, на котором гипы якобы присутствовали лишь в качестве зрителей, пришедших позабавиться, а участниками были другие лица.

– А планёрчка-то нынче не удалась – так никто и не смог высказаться по существу.

– Да, и никого не казнили, и никого не наградили.

– И эта история с Сан Санычем выглядела невзорвавшейся бомбой. Надо было Игорю Николаевичу всё-таки заранее составить по этому вопросу мнение, а потом уже докладывать представительному собранию.

– Ничего, он его составил экспромтом и сейчас снимает с Сан Саныча стружку. Да, кстати, этим бедняга Сан Саныч обязан вам, Светлана Ивановна. Но заметьте, товарищи, какой он, однако, джентльмен – пощадил даму и написал аж три доноса на Скворцова, да ещё намеревался застать его врасплох.

– И как только вам удалось, Семён Григорьевич, так быстро отвести удар? – спросила Светлана. – Мне показалось, что вы успели подготовиться.

– Да так оно и было, – Семён Григорьевич довольно хохотнул и потёр руки. – Я случайно познакомился с этим пасквилом в машинописном бюро.

– А что же вы мне не сказали?

– Не хотелось вам портить настроение перед планёркой, тем более в докладной ваше имя не упоминалось. А каковы ваши впечатления, Светлана Ивановна, что вы успели почерпнуть на планёрке?

– Пожалуй, лишь одно – нельзя бросать окурки на шкаф. А так мне показалось, что это бессмысленнейшее и вреднейшее мероприятие, отрывающее людей от дела и преследующее, пожалуй, одну цель – внушить всем к нему причастным боязнь публичного наказания. Мне было больно и стыдно смотреть, как уважаемые люди ёрзают на стульях, словно провинившиеся мальчишки. Никаких принципиальных технических вопросов за такое время и при таком кворуме решить всё равно нельзя. Всё равно всё откладывается для решения в рабочем порядке.

Её слушали с интересом, одни, согласно кивая головами, другие, скептически ухмыляясь. И только, когда она произнесла: «Не понимаю, почему вы не выступили до сих пор против подобных планёрок?», Александр Михайлович, который один из всех не проронил ещё ни слова и только метался по проходу между столами от окна к двери, внезапно взорвался:

– Я вот наблюдаю за вами, Светлана Ивановна, несколько месяцев и всё никак не могу понять, все ваши поступки, все ваши действия и выпендренные монологи чем объясняются, наивностью или эпатажем?

– Неопытностью, – не давая вмешаться смущённым таким выпадам гипам, ответила Светлана, – только ею одной.

– Но едва ли по неопытности вы решитесь высказать своё мнение в верхах.ж

– Нет, почему же, выскажу.

– Дай бог нашему теляти да волка поймати!

Телефонный звонок прервал их пикировку. Разыскивали Сан Саныча. Он всё ещё не появился в отделе.

– Долгонько же снимает Игорь Николаевич с него стружку, – заметил кто-то из гипов и не угадал. Игорь Николаевич снимал не стружку: он снял Сан Саныча с должности начальника отдела.

О том, что директор перевёл Сан Саныча на должность ведущего инженера, то есть очень понизил. Стало известно на следующее утро, известна стала и кандидатура временно исполняющего обязанности начальника технологического отдела – Иван Иванович Нестеренко. Однако никаких официальных сведений ещё не поступало, и любители проверенных слухов совершенно напрасно осаждали доску приказов. Более легковверные, а таких было большинство, приняли эти новость откуда появившиеся новости на веру и бурно обсуждали их в курилке, в коридоре и дамском туалете, где за неимением другого и интимного помещения располагался постоянно действующий дамский клуб.

Отставка Сан Саныча никого не удивила (сместить его было давно пора), и то, что директор снял его, не дожидаясь Жориного приезда, представлялась не проявлением директорского единоначалия, а неким дипломатическим шагом, уступкой главному инженеру, которому неловко было снимать своего ставленника. Впрочем, Жора давно привык действовать по принципу «я тебя породил, я тебя и убью», но директор мог этого ещё не знать, а может быть, не собирался принимать Жориного диктата в отличие от своих предшественников. За десять лет существования института это был уже четвёртый директор, а Жора оставался Жорой. В его могущество подчинённые настолько уверовали, что теперь всех занимало, как отнесётся он к внезапным переменам и особенно к тому, что во главе технологического отдела, хотя и временно исполняющим обязанности начальника, будет Нестеренко.

Когда вот так неофициально, в кулуарах, говорили о Нестеренко, обычно речь шла о его достижениях на приусадебном участке, о его коммерциях с ранними огурцами, поздними яблоками и цветочной рассадой. Нестеренко относился к числу людей, которые «умеют жить», не делают из этого умения тайны и считают своим долгом наставить на путь истинный всех остальных. Он пришёл в институт на должность рядового инженера и несколько лет умудрялся на свой скромный заработок содержать семью из пяти человек, да ещё и купил «Волгу». Он не скрывал источников своих дополнительных доходов: и дом, и машина, и роскошная обстановка были куплены на трудовые деньги, о чём лучше самого Нестеренко говорили многочисленные мозоли и ссадины на его больших, рабочих руках. С конца зимы и до поздней осени, спозаранку до начала рабочего дня в институте и после него до темна он ковырялся в парниках и теплице, на огороде, в саду, а потом весьма выгодно сбывал плоды своего труда. Его жена, молодая, элегантная дама, не стеснялась стоять за базарным прилавком, а весной даже возила в Москву подснежники, за которыми ездила куда-то в Краснодарский край.

Когда же с утра клевавший носом Нестеренко жаловался сослуживцам на усталость, на своё садово-огородное хозяйство, отнимающее у него время и здоровье, он не находил сочувствия. Сослуживцы полагали, что жить нужно на средства от основной законной деятельности и инженер должен оставаться инженером, даже если он подрабатывает где-нибудь по совместительству, а не становится фермером – всякие садово-огородные увлечения допускаются только как хобби.

Большинство сотрудников института, не связанных с Иваном Ивановичем непосредственно работой, видело в нём только коммерсанта, кулака новой формации, бизнесмена. Вот почему выбор директора всех так взбудоражил. Но, те, кто не один год работал с ним, и Светлана в их числе, знали, что рядом с «великим комбинатором», частным предпринимателем существует ещё редкий организатор общественного производства. Он как никто умел подобрать людей, создать им в своём секторе прекрасные условия работы в атмосфере дружбы и взаимопомощи, не боялся при этом делать ставку на «зелёную молодёжь», молодых и специалистов, и женщин, имеющих маленьких детей. И те его никогда не подводили. Многие из них считали себя ему обязанными, кто повышением, кто новой квартирой или устройством ребёнка в детский сад, а потому не роптали, когда Нестеренко спрашивал с них по большому счёту, заставлял браться за непосильные, казалось бы, задачи, которые всё-таки всегда оказывались его людям по плечу. Когда случались в отделе тяжёлые дни – нечем было загрузить людей, Нестеренко заключал для своего сектора с заводами самостоятельно, минуя гипов, выгодные сепаратные договоры и зарекомендовал себя там с самой лучшей

стороны. Правда, при выполнении таких заказов, случалось, на завод переходил кто-нибудь из его людей, но Иван Иванович этим даже гордился – его воспитанник уходил на повышение. Так что, оценив все эти качества Нестеренко и назначив его начальником, директор мог больше не волноваться за работу технологического отдела.

– И всё-таки директор не должен был этого делать. Нельзя, чтобы во главе отдела стоял человек с сомнительной репутацией частного предпринимателя, – говорила Светлана Вадиму за ужином. – Представляешь, как он недавно оскандалился. Засадил на даче поле детками гладиолусов, чтобы потом торговать дорогушими луковицами. Кто-то увидел и поднял скандал. Там, в товариществе, существуют определённые нормы посадки различных культур, исключая возможность наживы. Нестеренко, оправдываясь, уверял, что принял гладиолусы за обычный лук. Смешно! Ну согласишься, после одной этой истории человек не имеет права быть начальником отдела.

– Почему же? – Вадим не сразу оторвался от бифштекса. – Не понимаю, почему нельзя торговать тем, что растёт на дачных участках? Да и торгуют ягодами, фруктами и всем прочим очень многие. И этим многим это негласно разрешается. Почему-то только так называемых работников умственного труда хватают за руку, и, по-моему, это дискриминация. Да, дискриминация и просто глупость: не так-то уж много найдётся охотников подражать твоему Ивану Ивановичу. Не всякий работник умственного труда захочет землю носом рыть и ходить с перепачканными руками. Ты-то ведь не захотела обзаводиться дачей.

– Но вовсе не из-за грязных рук, а из-за того, что буду всё лето привязана к шести соткам: к прополке, поливке и прочему. Прощай тогда море, дальние поездки. Да и дача эта была в городской черте: пыль, смог. Овощи и фрукты с такой дачи есть – только травиться. Тот же Нестеренко всё гладиолусами, а не клубникой засадил, думаю, не с проста: его дача рядом с оловозаводом. И какой дурак додумался полосы отчуждения под дачи отводить? Но ты меня сбил. И всё-таки я считаю, чтобы руководить людьми, мало быть...

– Мама, – пискнула Мышка, – оказывается, у вас в институте совсем нет хороших людей – одни бездельники, очковтиратели и эти... как их бизнесмены.

– Боже мой! – ужаснулась Светлана. – Вот так вывод! Мышенька дорогая, это совсем не так, у нас много очень много хороших людей, у тебя, детка, сложилось неправильное представление. А всё потому, что, присутствуя при взрослом разговоре, ты воспринимаешь его по-детски. В общем, как это тебе объяснить? Ты обращаешь внимание только на то, что в данную минуту обсуждается. Я говорю об одном человеке и

возмущаюсь, что ещё такие люди есть, но это вовсе не значит, что хороших людей нет, я их подразумеваю. И папе это ясно. А ты ещё мала, у тебя совершенно другое восприятие. Понятно?

– Понятно, – протянула неуверенно Мышка. – Это, наверное, так же, как я чаще всего рассказываю про наших самых хулиганистых мальчишек, а про некоторых ребят вообще не говорю, будто их и нет в классе.

– Вт видишь, Светик, к чему могут привести неумеренныеразглагольствования за обеденным столом, – вернулся Вадим к прерванному разговору, когда они со Светланой на кухне мыли посуду, а девочка легла спать. – А ведь Мышка-то тебя подковырнула, – усмехнулся он не без ехидства, – у тебя и, правда, получается, что ты у вас в институте самая, самая... Ну не хмурься, – он поспешил превратить последнюю фразу в шутку, – пусть не самая, но из тех, «которые безупречны», как говорила одна моя учительница. В общем, придётся нам застольные темы менять.

– Да, в самом деле, почему это дома мы так охотно смакуем всякого рода неурядицы и умалчиваем о достижениях, особенно если они лично нас не касаются?

– Светик, ты допускаешь маленькую неточность, говоря «мы». Я обычно подобных разговоров не затеваю.

– Хорошо, пусть я! – Светлана всё-таки обиделась и громыхнула кастрюлькой о раковину. – Но ведь ты ни разу меня не остановил. Стоило ли, например, сегодня перемывать кости Ивану Ивановичу – махать после драки кулаками! Полезнее было бы тебе узнать, что у Надюши удался эксперимент с бесшумной клёпкой. А я не рассказала – забыла, хотя зависть чувство сильное.

– Что-то я не пойму, ты что Нестеренко завидуешь?

– Конечно, нет! – Светлана принялась слишком усердно драить синюю хрупкую чашку, любимую чашку Вадима. – Как ни стыдно признаться – Нвдюше. Её умею экспериментировать, её трудовой одержимости, её почти готовой кандидатской. А быть начальником отдела, по-моему, неинтересно. Просто я за справедливость. А работать, между прочим, с Нестеренко будет легче, чем с Сан Санычем – он не трус. Да и не одна я возмущена. В институте сегодня столько об этом разговоров...

– А кого, по-твоему, следовало назначить? – Вадим осторожно забрал у неё синюю чашку и, вытерев, бережно поставил в шкаф.

– Самая подходящая кандидатура – Емельян Сафонович.

– Но где у тебя гарантия, дорогая, что этот почтенный джентльмен не приторговывает в свободное время антикварными вещами? А если серьёзно, моё

мнение: человек в свободное время может заниматься, чем ему вздумается, если, конечно, его деятельность не противозаконна. Но и законы в этом смысле следовало бы пересмотреть. Вон в Венгрии разрешили малый бизнес...

– Да, чтобы торговать в частных магазинчиках ажурными чулками, понадобилось сначала ввести в Будапешт танки...

– Когда это было! И вовсе не в связи с мелким частным бизнесом.

– Но следы от пуль на стенах домов не позволяют забывать об этом.

– Однако мы увлеклись разговорами и пропускаем Андроникова! Ты тут, Светик, закругляйся, а я побегу включать.

Глава VIII

Жора остался верен себе и появился в институте, когда его меньше всего ждали. Только что кончилась зарядка, и все отдыхали после неё. В коридоре и вестибюле былолюдно и шумновато. Вопреки правилам внутреннего распорядка, которые запрещали собираться в рабочее время и вести беседы, то там, то здесь вдоль всего коридора возникали группки, и завязывались самые оживлённые дискуссии. Зеркала осадили девицы, у курилки роились мужчины. Отдых этот занимал не больше десяти минут, и администрация смотрела на него сквозь пальцы, предпочитая в это время в коридоре не показываться. Правда, Жора при случае делал замечания, но на этот раз прошёл, расточая улыбки и приветствия. В руках у него, кроме всегдашнего портфеля, который служил штрихом, подчёркивающим импозантность владельца, покачивались какие-то легкомысленные, размалёванные, явно заграничные сумки-пакеты – «с подарками», как догадался кто-то.

И в самом деле, Главный привёз массу сувениров – филиал французской галантерейной лавчонки – и раздавал их во время своего первого после отсутствия официального обхода. Жора не был меркантилен – весь институтский актив получил по безделушке: юные секретарши – пудру и умопомрачительные клипсы, начальники отделов – ручки, брелочки с миниатюрными Эйфелевыми башнями, Сергей Агнатольевич – книжку на французском языке, Светлана – какое-то ушастое существо из пористой резины, то ли чертёнка, то ли медвежонка. Оно умещалось в спичечном коробке и строило забавные гримасы, когда ему давили на затылочек.

– Надеюсь, этот Мики-Маус или Пиф отвлечёт вас от чёрных мыслей в трудную минуту, – сказал Жора. Светлана поблагодарила за внимание и заботу и повесила ушастика над столом – трудных минут предстояло много.

После обеда по отдела забегала секретарь с длинным списком – партийно-хозяйственный актив института приглашался слушать отчёт Георгия Тимофеевича о командировке.

– Дорогие друзья, члены клуба путешественников за длинным столом, сегодня нам предстоит побывать в прекрасной столице Франции. Итак, в путь! – проговорил гим-красавец и ринулся к двери. За ним радостно устремились остальные: приглашение было едва ли не самым приятным из всех Жориных.

В кабинете уже собралось много народа. За длинным столом, однако, никто не сидел. Все расположились поодаль от него, вдоль стен, как бы не решаясь коснуться его зеркальной столешницы, на которой белыми лебедями красовались не знающие пепла дорогие пепельницы.

За письменным столом в хозяйском крутящемся кресле сидел директор, а сам Георгий Тимофеевич, Жора, скромно примостился рядом на стуле. Но где бы он ни находился, что бы ни делал, он, а не директор, был хозяином положения. Это ему звонили городские и областные власти, это его посылали от главка в заграничные командировки. Он успел до Франции побывать в Италии, Швеции, Канаде. Это ему благоволили молодые и старые секретарши на отечественных родственных предприятиях. В последнем Светлана не раз убеждалась: самые свирепые из них смягчались и расцветали привиде одной Жориной подписи на командировочном удостоверении: «Ах, ваш Соколов – такой обаятельный мужчина!»

Да, было что-то в его лице неуловимо притягательное. Но она так и не могла понять, красив он или безобразен. Казалось, его лицо начал ваять талантливый скульптор, но что-то помешало ему закончить работу, и он кое-где не успел убрать лишнего материала: красивый лоб, резко очерченный упрямый подбородок и какой-то бесформенный мясистый нос, хорошего разреза серые глаза, а на правом веке часть ресниц закрывает бородавка. Улыбка прекрасная, не скульптурная – живая, чуть грустная, доверительная, интимная – улыбаясь всем, он улыбается каждому в отдельности.

И с этой улыбки Жора начал свой отчёт или рассказ о поездке на международную ставку станков с программным управлением.

– На выставке экспонировались самые различные станки, предлагаемые фирмами на экспорт, – говорил он, – Соглашения о закупке некоторых нужно было представить незамедлительно, поэтому наша немногочисленная делегация, состоявшая из представителей нескольких министерств, работала очень напряжённо. Рабочий день начинался с семи утра и кончался поздним вечером. На выставке было много чрезвычайно

интересного оборудования, так что порой разбегались глаза, и очень трудно было выбрать самую главную изюминку, отказаться от ярмарочного соблазна приобретения.

Во время рассказа Жора раздавал проспекты оборудования, фотографии и образцы изделий. Всё это переходило из рук в руки, подолгу ни у кого не задерживаясь. В ближайшее время сотрудникам института предстояло кропотливое, детальное изучение привезенных материалов и сопоставление зарубежных моделей станков с аналогичными отечественными. На основе этого должны были быть разработаны потом так называемые разделительные ведомости, где наряду с техническими характеристиками оборудования проставлялась его стоимость в различных валютных выражениях.

– Институт обязан дать министерству заключение о целесообразности приобретения выбранного оборудования. А при выборе, кроме всего прочего, нам следует руководствоваться ещё и тем соображением, что за каждую единицу оборудования нашему государству придётся расплачиваться золотом, – вот этим предупреждением Главный и закончил официальную часть своего сообщения.

Но всех, безусловно, интересовал ещё Париж, интересовали французы. Жора, видимо, не был склонен распространяться на эту тему при столь многочисленной аудитории, но и не сказать ничего он тоже не мог.

– Я понимаю, что вы ждёте от меня рассказов о Париже, – после небольшой паузы начал он, и все оживились, заулыбались, – но должен предупредить вас: ничего нового к тому, что вы уже знаете об этом городе, я добавить не смогу. Париж – один из немногих городов, о котором знаешь ещё с детства, а потом, когда он предстаёт перед тобой... Потому, любуясь парижскими достопримечательностями, я не столько восхищался ими, сколько старался закрепить мысль, убедить себя, что это я собственной персоной хожу по Парижу, а не смотрю о нём кино, не «путешествую» с Сенкевичем.

«Да, – подумала Светлана, – он путешествовал с замминистра, вдвоём они представляли министерство».

– Впрочем, в том, что я не в кино и не смотрю Париж с экрана телевизора, меня убеждал ужасный парижский воздух. Мне там буквально дурно становилось временами, а ведь это был обычный каждодневный воздух, который парижане вдыхают с утра до вечера, не какой-нибудь смог. Вероятно, благодаря такому воздуху горожане выглядят неважно: у них болезненный вид, особенно у женщин. Желтолицые, тощие парижанки не произвели на меня ожидаемого впечатления. Очевидно, они, в отличие от собора Нотр-Дам, очень изменились за последнее время.

Сидящие в кабинете женщины удовлетворённо и даже победно заулыбались, словно Жора объявил их вдруг королевами красоты, а он, намеренно не обратив внимания на улыбки, продолжал несколько сухо вато:

– Что касается знаменитой парижской моды, то мне показалось, что фирма «Диор» её полностью отправляет за рубеж, ничего не оставляя соотечественникам. Сами же парижане обращаются с модой весьма своеобразно. В первую очередь это относится к молодёжи, к людям до тридцати. Ну и в заключение проиллюстрирую одним маленьким эпизодом извечную французскую предупредительность. Обедали мы с Павлом Петровичем, замминистра, во время трёхдневного посещения одного из заводов в рабочей столовой. Там, как и у нас в заводских столовых, самообслуживание. И вот, передвигаясь с подносом вдоль раздачи, я посетовал Павлу Петровичу на отсутствие в меню первых блюд, сказал: «Ох, как я по борщу соскучился!», никакой цели при этом не преследуя. А на другой день одна из молоденьких раздатчиц неожиданно протянула мне тарелку с какой-то жидкостью и, мило улыбнувшись, произнесла; «Мсье, ваш борщ». Мне было чрезвычайно неловко, но и приятно одновременно. Вот и всё, товарищи. Благодарю за внимание. – И Жора опять улыбнулся своей грустно-доверительной улыбкой.

Все дружно поднялись, отодвигая стулья, и только Сергей Анатольевич впереди Светланы продолжал сидеть. Она решила, что старик задремал, и легонечко тронула его за плечо. Он вздрогнул и повернулся – Светлана увидела отрешённое, застывшее маской лицо и слёзы в вишнёвых, всегда смеющихся глазах.

– С самого раннего детства я болен Парижем, – говорил Сергей Анатольевич, когда они возвращались к себе в кабинет, – моё увлечение началось благодаря художественной литературе, Перро, Дюма, Гюго, а позднее Бальзак и Золя, да стоит ли перечислять... Я французским владею потому, что что всегда надеялся – судьба меня не обойдёт и предоставит случай побывать в Париже. И мой Париж – это совсем не тот город, который уже не волнует и не удивляет оттого, что ты в течение часа видел его в кино или по телевизору. Мой Париж имеет с городом, где побывал Георгий Тимофеевич, только общие названия площадей и улиц. И тем не менее, именно сегодня, когда Георгий Тимофеевич так равнодушно говорил о нём, а точнее, умолчал, я окончательно понял, что мне уже никогда не бывать в городе своей мечты.

Светлана попробовала его утешить, сославшись на то, что предполагается новая командировка во Францию, в которой примет участие несколько человек, и Жора не забудет его.

– Ах, оставьте! – досадливо отмахнулся Сергей Анатольевич. – Я же невыездной...

Глава IX

Светлана не заметила, как пришло лето. А ведь приход его редко бывает неожиданным. Ещё с середины зимы, когда морозы только крепчают, а вслед за ними летят, кружатся и свистят неистовые метели, люди мечтают о тепле, о солнце, о летних отпусках. И как только наступает календарная весна, по улицам начинают разгуливать смельчаки в новеньких плащах и без головных уборов. В основном это мужчины и совсем юные девушки. Дамы всех возрастов не спешат расстаться с меховыми шапочками, но всё-таки на день-другой заменяют их ворвавшимися вдруг с весной в моду пилотками, «таблетками» или широкополыми шляпами, которые все сразу исчезают. И как символ лета в городе появляются бочки с квасом. Их много, они на каждом шагу, но возле них всегда очередь: люди пьют и всё не могут напиться – лето. Наконец лето!

Однако этим летом продавцы кваса, нахохлившись, скучали у своих бочек – тепла не было.

Каждый день Светлана с надеждой слушала сводку погоды, и каждый день метеорологи предсказывали осадки то в первой, то во второй половине дня, и, что обидно, они ни разу не ошиблись: самое ясное, самое тёплое утро неизменно кончалось холодом, ветром, дождём. А цветы цвели, и душистые охапки заполняли цветочные магазины, мокли под дождём на лотках и в вёдрах предприимчивых частниц.

Светлана купила букетик тёмных гвоздик и три розовых пиона. Они пахли едва уловимо чаем.

Была середина одинокого воскресного дня: Мышку недавно отправили на все каникулы к бабушке, Вадим принимал последний экзамен, Люси дома не оказалось. Идти больше ни к кому не хотелось, домой – тоже, и Светлана присела на свободный конец скамьи в парке, благо дождь сделал передышку.

Город уже заполнили отпускники. Бедные, как им не повезло с погодой, подумала она, и почему никуда не поехали. И они с Вадимом не поедут никуда, хотя хочется, очень хочется к морю, Балтийскому.

Оно такое странное это море: то совсем плоское, то выпуклое, даже когда не горбатится волнами, просто лежит неподвижной огромной линзой. И непонятно, что его удерживает, что не даёт ему растечься массой ртутных озёр, а потом собраться где-нибудь в другом месте, но так, чтобы не утратить ни своего ртутного цвета, ни волшебного телеэкранного свечения. Но нет, это невозможно! Только под неярким солнцем Балтики могут быть такие успокаивающие, неназойливые тона морского пейзажа. Только здесь

убегают от моря, игриво изогнувшись, пушистые сосны, и оскорблённое море посылает им вдогонку дюны.

Глупые сосны, и чего бегут? Не любят морской воды? А по ней так приятно пройти, необязательно заходить глубоко. Можно идти вдоль самой кромки, и песок будет приятно щекотать, холодить ступни, и мыльной пеной будет лопаться у щиколоток набежавшая волна, швырять под ноги чёрные космы водорослей. В них счастливицы находят янтарь: молодой – светло-жёлтый, старый – бордовый или коричневый, а если очень повезёт, попадётся кусочек с какой-нибудь доисторической козявкой.

Им с Мышкой так и не удалось найти такую козявку. Нашли как-то зелёный янтарь, но по наивности приняли его за обгалтованное волнами бутылочное стекло и выбросили. Знающие люди потом объяснили, что это был редчайший экземпляр, более редкий, нежели кусочек с замурованной в него мухой.

Отпуск осенью, когда у Мышки и Вадима занятия. Но что за отпуск без них? Напрасно путёвку в санаторий взяла. Вадиму будет трудно одному управиться. Оставить Мышку до конца первой четверти у бабушки – пожалуй, тоже не выход. Разумнее всего отказаться от путёвки. Вадим будет сердиться, он хотел, чтобы она отдохнула. А может быть, сам хотел отдохнуть от неё? Как бы то ни было, а планы придётся менять. Она никуда не поедет и месяц побудет просто матерью и женой, хозяйкой дома. Тем более Вадим с некоторых пор старается внушить ей, что именно в этом истинное назначение женщины и ссылается на авторитетные источники: конференции социологов, статью известной журналистки, которая призывает женщин радоваться своему дому, гнезду, видеть поэзию в семейном очаге, наслаждаться детьми, призывает возродить культ матери-хозяйки. Призывать-то призывает, а сама тем временем ездит по конференциям и симпозиумам и радуется дому вне его, отнюдь не приковывая себя к семейному очагу.

А если ей, Светлане, тоже мало для счастья одних семейных радостей? Если она не любит кастрюль и вылазок на базар? В течение многих лет её учили радоваться другому труду и свели на нет её женские наклонности. Она уже не представляет себе жизни вне работы, той самой работы, которую, в общем-то, никогда не считала любимой, и, тем не менее, только эта не домашняя, не узко личная, работа приносит ей моральное удовлетворение. Об этой работе она думает дома, забывая порой вымыть кастрюли. Она, наверное, и обеды забывала бы готовить, если бы не Мышка и вечно голодный Вадим.

Вспомнив о Вадиме, Светлана посмотрела на часы – пора было спешить домой. Голодный и хмурый муж, наверное, уже одиноко и зло грыз на кухне чёрствый батон, из принципа не садясь без неё обедать.

Но она ошиблась. В самом лучшем расположении духа, напевая, Вадим самозабвенно гладил брюки. В квартире пахло палёной шерстью, раскалённым утюгом и подгоревшей синтетикой. На полу стоял таз с мыльной пеной, на стульях висели выглаженные, чуть поджаренные вещи. Их вид однако не смущал Вадима, и он спокойно доводил такого же состояния брюки.

– Что ты делаешь? – ужаснулась Светлана. – Ты же сейчас прожжешь дыру! И чем вызван такой самоотверженный труд?

– Светик, не нарушай творческого процесса! – Вадим брызнул на брюки. – Без лишних слов одевайся, и бежим. Люся достала билеты на «Учителя танцев».

– Но я же просила на «Братьев Карамазовых»!

– Не знаю, не знаю! Я тебе уже всё погладил.

Вадим кивнул на стул – там на тонкой кофточке висела юбка.

– Бог мой, кто же так вешает! Кофточка уже помялась. Да и похожа я с этими оборками на капустный кочан.

– А без них, дорогая, на арбуз.

– Что!

– Я таким образом выражаю восхищение.

– То-то же!

Пообедать им не пришлось. Выпив наспех молока и давясь бутербродами, они выскочили из дома.

Дождь совсем прекратился. Предвечерние, но жаркие лучи солнца сушили мостовую, над асфальтом поднимался парок.

– Смотри, дымится, как твои брюки, – засмеялась Светлана.

У театра было столпотворение. «Лишние билетики» спрашивали ещё на автобусной остановке. Светлане и Вадиму пришлось изрядно потрудиться, пробираясь к входу. Людмилу они увидели сразу. Она стояла почти у самых дверей, элегантная, красивая, невозмутимая в такой толпе. Её роскошные льняные волосы были уложены в замысловатую причёску «фантазия», точно повторяющую последнюю модель из журнала «Служба быта», голубое вечернее пальто, намеренно распахнутое, подчёркивало великолепие серебристого платья. На неё заглядывались проходящие к дверям мужчины, завистливо оценивающе косились женщины. Умение одеваться было одним из многочисленных талантов Людмилы.

– Ну наконец-то! – облегчённо воскликнула она. – Мне надоело отвечать на бесчисленные вопросы о билетах и отказывать потрясающим мужчинам.

– А где же Сергей, почему ты одна? – удивилась Светлана.

– Сергея нет, но это вовсе не значит, что я здесь одна.

– Интересно! – протянул с усмешкой Вадим, – Как же это понимать?

– Оставим выяснения до антракта, времени у нас почти не осталось, – сухо ответила Людмила.

Несмотря на очередь в раздевалке и у зеркал, где женщины накладывали последние штрихи на свою красоту, а то и заново перекраивали её, они всё же успели занять места в маленькой ложе до третьего звонка. И только уселись, зазвучала музыка, пошёл в стороны малиновый занавес – спектакль начался.

Светлана любила эту весёлую, полную музыки и танцев комедию. В студенческие годы, учась в Москве, восхищалась игрой Зельдина в главной роли, часто напевала темпераментные мелодии Крейна.

Но то, что теперь развёртывалось на сцене, лишь отдалённо напоминало знакомую пьесу. Постановка её была решена, как принято говорить у творческих работников, «в новом ключе». Действие из семнадцатого века было перенесено во вторую половину двадцатого, в пору транзисторных приёмников, спортивных костюмов и негритянских танцевальных ритмов. В силу этого молодые гранды и их разбитные слуги, грассиос, щеголяли в безрукавках, надетых поверх нейлоновых «водолазок», распевали разухабистые шлягеры недавнего времени и крутили бёдрами, подражая лучшим танцорам Африки. Героиня порхала по сцене в голубеньком мини и белоснежных колготках – обычная девочка, каких много толпится у кинотеатров и на танцевальных площадках, очень молоденькая и очень хорошенькая.

– Правда, мила? – шепнула Светлана Людмиле.

– Угу, играет весьма лихо, но всё это не так, но всё это не то.

В антракте приятели сразу же стали делиться впечатлениями. Модернистский спектакль Светлане не понравился. Трудно было свыкнуться с весьма условными декорациями и сменой их прямо на глазах у почтеннейшей публики. Чего стоил один только раскачивающийся над головами артистов, прикованный к потолку толстенной цепью жестяной месяц. Но признаваться своим собеседникам в том, что ей это всё не нравится, Светлана не стала: когда появлялась возможность показаться современной, она её не упускала, даже вступилась за постановщика, предпринявшего попытку осовременить пьесу трёхсотлетней давности. Однако всё, что она произнесла в защиту такой трактовки, ссылаясь на последние подобные опыты зарубежных и отечественных театров, звучало фальшиво и неубедительно. Но на прямой вопрос Вадима, нравится ли ей спектакль, она всё-таки ответила:

– Разумеется!

Вадим откровенно расхохотался:

– Не поверю я ни за что, будто тебе понравились бесконечные манипуляции со щитами. На одной стороне щита я рассмотрел вазу, а на другой что было?

– Дерево!

– Дерево? Так вот, я предпочитаю настоящие деревья.

– Но в театре таких не бывает. И то, что ты из зрительного зала принимаешь за дерево, для артистов так же условно, как изображение на щите.

– Может быть, может быть. Но я до сих пор помню художественную заставку к «Океану». Эти бушующие волны, от которых, казалось, брызги летят в зал. И хотя можно было обойтись и без такого художественного излишества, именно этот реальный образ океана усилил впечатление от пьесы.

– Я не хочу копаться в деталях,– сказала Люся,– но, если это Испания эпохи Возрождения, то я хочу видеть Испанию именно того времени. Суррогаты меня не устраивают.

– А разве ты шла сюда, заранее не представляя, на что себя обрекаешь? – насмешливо спросила Светлана. – Ведь ты же отлично знала, что весь ажиотаж вокруг этой постановки поднят только благодаря её новаторскому характеру. И мы же договаривались пойти на «Братьев Карамазовых», ты что забыла?

Людмила промолчала.

– Теперь мы убедились, что до новых форм не доросли,– продолжала Светлана,– нам милее «твёрдокаменный реализм», так давайте уйдём, тем более есть так хочется.

Её не поддержали. Вадим заявил, что считает подобные демонстрации снобизмом, а Людмила пообещала после спектакля сюрприз.

Второе действие прошло оживлённее. Светлана не выпускала из поля зрения главного исполнителя – Люся шепнула, что это её новый знакомый и ему они обязаны билетами.

В антракте Вадим отправился курить, и, оставшись в ложе, «девочки расплели косы». Светлане не терпелось поскорее узнать подробности столь необычного знакомства. Она была обижена и удивлена сдержанностью Людмилы: познакомиться с гастролирующей знаменитостью и умолчать об этом.

Выяснилось, что Люся познакомилась с заслуженным артистом республики Александром Елиным только накануне в аварийно-конфликтной ситуации. Проснувшись среди ночи, она с ужасом обнаружила, что её совмещённый туалет заливают протекающая через потолок вода. Полчаса Люся ломилась в двери своих верхних соседей и, уже

отчаявшись, хотела вызывать милицию, тем более на этом настаивали разбуженные её стуком жильцы всего подъезда. Кто-то даже уверял, что в квартире никого нет, так как хозяева уехали в отпуск. Однако дверь всё-таки открылась – на пороге возник Александр Елин в купальном халате и с обескураживающей откровенностью поведал, что заснул в ванне. Снился ему поразительный сон, будто плавает он в тёплых волнах Красного моря, потом началась гроза, шторм, он никак не мог доплыть до берега, а раскаты грома следовали один за другим, от наиболее сильного он, к счастью проснулся и, осознав случившееся, испытал ужас больший, чем во сне.

Виновник помог Люсе ликвидировать следы происшествия. И места в ложе – его презент.

– Стало быть, он тебя задобрить на будущее решил, – съехидничала Светлана, – гастроли-то не скоро кончатся, и вряд ли он изменит своей привычке плавать в «Красном море». А может быть, у него что-то другое на уме? Кстати, куда девался Сергей, очередная командировка?

– А мы с ним решили разойтись.

– То есть, как разойтись? Ты это серьёзно, Люся?

– Вполне.

– И ты так спокойно говоришь об этом! Пошла в театр...

– А ты чего хочешь, чтобы я надела траур и посыпала голову пеплом?

– Но что за причина? Сергей – такой отличный человек, такой образцовый муж. Вы так чудесно ладили. Ты никогда ничего не говорила...

– Да, к сожалению. Есть такие стороны супружеской жизни, о которых, как ты знаешь, не принято говорить даже с близкими друзьями. Вот и молчишь, скрываешь, а потом, когда дело всё-таки кончается разводом, оказываешься в глупейшем положении.

– Ты что имеешь в виду, – усмехнулась Светлана с сомнением, – неужели?..

– Да. Всё дело в нашей физической несовместимости.

– Так вы семь лет прожили!

– И все семь лет страдали. А вот теперь решили расстаться, пока ещё молоды, пока есть шансы начать всё сначала. Если бы хотя бы дети были, тогда бы брак имел смысл, а так... Знаешь, как мне ребёнка хочется. Своего, крошечного, выстраданного – чисто животное желание. Только представлю его мордочку у груди – сразу озноб начинается. И я ведь абсолютно здорова, абсолютно! Как говорит мой братец, неприлично здорова.

– Но ведь можно было бы... – неуверенно произнесла Светлана.

– Ты что, предлагаешь мне адюльтер? – вспыхнула Люся. – Так вот знай: весь этот треп о моих многочисленных романах – сплошной вымысел. Я сама его организовала, чтобы прикрыть, так сказать, свою неполноценность. И уж лучшим-то друзьям не следовало бы заблуждаться.

– Да я совсем не твои амурные дела имела в виду. Не такая уж я моралистка, чтобы судить кого-нибудь строго, а особенно близких. Но, чтобы не толкать на адюльтер, у меня нравственности всё-таки хватит. Я думала об успешных опытах медиков по искусственному...

– Ну нет, дорогая! От подобных противоестественных способов меня мутит. Мне бедных коров жалко. Но это скотина подневольная, лишённая всякого права выбора. А в общем-то, мы отклонились от темы: ведь мотив развода – не отсутствие детей, а супружеская дисгармония.

– И вы на неё будете ссылаться при разводе?

– Именно. Кстати, это одна из причин, когда разводят тотчас же.

– Я бы не стала...

– Вот в этом-то и вся наша беда. Во всём, что касается вопросов пола, мы всё ещё такие же ханжи, как наши прабабки. Какой-то умный человек догадался – ввёл перед регистрацией брака помолвку, но, боюсь, её не все правильно поймут.

– В том смысле, который ты предполагаешь, она всё равно ничего не даст. Во-первых, большинство девушек выходит сейчас замуж без всякого в этом отношении опыта, а из любви к своему избраннику, в которой больше платонического чувства, готовы терпеть всё. Во-вторых, когда появится опыт, не каждая сможет порвать супружеские узы. Я где-то вычитала, что в самом определении «супружеские узы» кроется глубокий смысл: двое впряглись в одну упряжку и волокут бремя жизни. Вместе это делать им легче, а потому половые отношения – не главное, что их связывает.

– Ну, милая, как сказать! Тебе никогда не приходило в голову, что все твои «болести» вызваны отсутствием этой самой супружеской гармонии?

От такого прямолинейного вопроса Светлане стало не по себе. Вообще весь этот случайно возникший интимный разговор казался ей неуместным. И хотя, кроме них, в ложе не было, она поминутно оглядывалась и ёрзала. Светлана не любила касаться таких сокровенных тем и обычно подобных разговоров избегала, а тут любопытство пересилило, и Люся ловко подцепила её на крючок. Не ожидая такого поворота в разговоре и не желая выдавать своего смятения, она ответила слишком поспешно, тем самым подтверждая Люсину догадку:

– Нет, не думаю. Да и врачи подобного вопроса мне ни разу не задавали.

– Ханжи! – злорадно усмехнулась Люся, – Значит, тебе, старушка, тоже надо перетряхнуть свои ценности.

– А у вас кто первый начал переоценку, ты или Сергей?

Светлана спросила просто так, чтобы что-то сказать. Поймала фразу в диалоге и в ответ, словно мячик, бросила свою. Но от этого броска Люся вдруг сжалась, сразу как-то увяла и попросила:

– Переменим тему, а?

– Антракт кончается, милые дамы,– сообщил вошедший Вадим. «Не мог прийти чуть пораньше»,– подумала Светлана. – О чём вы с таким увлечением шепчетесь, что звонка не слышите?

– Да всё больше о бренности всего земного,– сказала Светлана.

Людмила отрешённо прижалась к барьеру и смотрела в зал.

Занавес между тем раздвинулся.

А на сцене выделявал немислимые антраша обаятельный Людмилинин сосед. Чёрные эластичные брюки и ярко-голубая водолазка красиво облегли его мускулистое, стройное тело, тело спортсмена и танцора. Солнечным зайчиком билась на лбу чёлка. Белокурый испанец – с ума сойти! Но публике он нравился, девчонки млели от восторга:

– Bravo, Елин! Bravo!

Большинство зрителей тепло принимало спектакль, весело откликалось на злободневные остроты, словечки из сегодняшнего лексикона, видя в них лишь элементы озорного гротеска.

Спектакль закончился мохигангой на современный лад все его участники с шутками и прибаутками исполнили какой-то совершенно невероятный танец. Зрители, не жалея ладоней, отбивали такт, звучали гитары в руках стриженных под Битлов грациозно, ярким мячиком прыгал под потолком месяц, великолепный в экстазе Елин бешено вертел на вытянутых руках героиню.

Но захлопнулся веером внутренний, весь в потешных масках занавес. Всё, всё! Зал рокотал прибоем, чайками верещали девицы.

– А знаете, в этом действе что-то есть! Это действо увлекает! – воскликнул Вадим и шутливо приподнял повеселевшую Людмилу, которая уже опять цвела и с удовольствием аплодировала, добавляя к общему нестройному хору и свой скрежещущий голосок:

– Бра-во-о! Bravo!

Заскользил, сдвигаясь, основной малиновый занавес, и в суживающийся просвет под звуки болеро Равеля парами стали выходить актёры. Теперь на всех были старинные

испанские костюмы. «Как только они успели так быстро переодеться?» – подумала Светлана. Актёры кланялись сначала зрителям, потом друг другу и чинно удалялись, расходясь направо и налево. Последними появились учитель танцев и героиня. Но её-то словно и не было

– Елин, Елин! – надрывались девчонки. А он, высокий и красивый, стоял, чуть наклонив белокурую голову, и расточал улыбки.

– Фу, возмутительный позёр! – притворно сокрушалась Людмила. – И зачем только я приняла его приглашение?

Ещё минут пять терпеливо водил Елин по сцене пёстрый хоровод. Потом исполнители застыли в почтительном ожидании: поднявшийся из зала на сцену кто-то что-то произнёс (премьера – должны быть речи!), интеллигентного вида старушки в форменных суконных пиджаках выволокли на сцену огромные корзины цветов – и наступил конец.

Светлана и Вадим собрались было идти домой, но Люся упростила их остаться и вместе с ней и Елиным поужинать. Елин знал о них и ничего не имел против нового знакомства, им же любопытно было взглянуть на актёра в обычной обстановке.

Елин появился очень скоро. При ближайшем рассмотрении он не казался красивым и юным, зато обаяния прибавилось. Он очень мило поведал новым знакомым о своём ночном злоключении, которое чуть не сорвало премьеру, но нет худа без добра – благодаря его неудачному купанию у него появились друзья в чужом городе.

Ресторан уже закрывали. Швейцар пустил их только потому, что узнал Елина, который уже стал постоянным клиентом.

– Что-то ваших сегодня нет, – сказал он полувопросительно.

– Они отмечают премьеру в другом месте, – ответил Елин.

«Странно, – подумала Светлана, – все отмечают премьеру, а сам премьер с нами. Почему он так отмежевался? Причина, безусловно, не в Люсе. Или он бесстрашный индивидуалист, не боится оторваться от коллектива и всегда идёт не в ногу, или всё дело в спектакле – он противник подобных новаторств».

За столом, конечно, пошёл разговор о театре. О чём же ещё, как не об искусстве, принято говорить между собой у культурных малознакомых людей?

Но от этого разговора Елин уклонялся. И как Светлана ни старалась, ей удалось вызвать у него лишь некоторые сведения о прошедшей премьере.

– Была сначала мысль поставить комедию так, как ставили её в эпоху Ренессанса, – сказал он нехотя, – то есть на открытом воздухе.

– Чего ради? – изумилась Люся. – Чтобы комары зрителей заели?

– Вот, чтобы не заели, пришлось от этой затеи отказаться, – усмехнулся Елин. – Зритель у нас, к сожалению, недостаточно подготовлен. А идея была интересная, очень перспективная. Главный художник её подбросил – уж очень ему театральный дворик нравится, закрытый такой, уютный – настоящий корраль. Повторять же постановку театра Советской армии никому не хотелось.

– Боялись не выдержать сравнения и перелицевали спектакль, чтобы его не узнали, – съязвила Люся.

– Не перелицевали, Милочка, а осовременили. Что касается хореографии, то танцы наши – сплошная самодеятельность и импровизация. Маститый хореограф смог уделить нам всего два часа по пути на гастроли.

Елин имел в виду известного ленинградского артиста балета, чья фамилия значилась на афише и в программке и заставляла зрителей удивлённо-уважительно восклицать: «О!»

Своего отношения к необычной трактовке пьесы Елин высказывать не стал и, сославшись на то, что для него разговор о театре так же профессионален, как для них, скажем, разговор о свойствах новой марки стали, переменял тему. Поговорили о рыбалке, о предстоящих отпусках, о новых марках автомобилей и стихах Андрея Вознесенского.

Елин пил сухое вино и очень немного. Светлана цедила через соломинку сок манго, пить спиртное в последнее время она не могла, зато Вадим с Люсей осушили бутылку коньяка. Пили они одинаково, но в то время, как Вадим с каждой рюмкой всё больше пьянел, Людмила оставалась трезвой, но, дурачась, изображала пьяную и поддразнивала Вадимаб

– Вадик, ты меня уважаешь?

– Уважаю, Люсенька.

– Любишь?

– Люблю, но Светика – больше.

– Светик, а Светик! А я тебя люб-лю-у! – закричал на весь зал Вадим, смешно вытянув губы и сделавшись вдруг похожим на муравьеда. – Выпьем за милых дам! – провозгласил он, обращаясь уже к сидящим за соседним столиком, и вышел из-за стола, чтобы поцеловать ручку незнакомой, но милой даме.

Оказалось, что дама вовсе этого не желает, её спутник – тем более. Дама руки не подала, а один из её спутников сказал лаконично и убедительно:

– Сядь на место, парень!

«Парень» сел и как ни в чём не бывало принялся нести какую-то чушь, выдавая её рассказ Зощенко.

– Ну ты даёшь! – хохотала Людмила. – Брось трепаться!

Елин вежливо и снисходительно улыбался, а Светлана страдала и сожалела, что согласилась на этот стихийный ужин, который, казалось, никогда не кончится.

В зале между тем погасали верхний свет, разошлись музыканты, и теперь включённый зачем-то магнитофон вполголоса бубнил « «Он не рыжий, он не рыжий, не рыжий он, а золотой». Невозможно было понять, кто поёт – мужчина или женщина, – уловить слова песни – тоже. В уши надоедливо лез только пошленький припев, увязался за Светланой

и преследовал до самого дома.

Пока ехали в такси домой, Вадим спал, временами всхрапывая. И за этот его пьяный сон с храпом Светлане было стыдно перед шофёром, и мучила мысль, что ещё придётся долго будить его, а потом тащить нетвёрдо ступающего, но желающего «идти только вперёд, только на линию огня».

Однако вопреки её ожиданиям Вадим проснулся сразу, и сам пожелал расплачиваться с шофёром. Светлана отошла от машины, чтобы не видеть, как Вадим будет рыться в карманах, выискивая необходимую мелочь для оплаты точно по счётчику: не давать «чаевых» было одним из непоколебимых принципов Вадима, доставлявших ей немало неприятных минут.

На сей раз Вадим не рвался «на линию огня». Скроив страдальческую гримасу, он тяжело поднялся по лестнице, открыл дверь, пропустив Светлану вперёд, и тут же в передней начал стонать, жаловаться на судьбу, которая в недалёком будущем уготовила ему рак. Это тоже был постоянный номер из его не очень разнообразного репертуара. И Светлана, зная, что последует дальше, молчала. Разубеждать его было бесполезно, он сразу же стал бы уличать её в равнодушии и всяких прочих грехах. Но и молчание не помогло: ей всё-таки пришлось выслушать пьяный монолог, посвящённый её персоне. Она равнодушна, ей нет до него дела. Она не ценит его работы, она его не любит. Он до сих пор не может понять, что заставило её выйти за него замуж, и так далее, и тому подобное...

Наконец он улёгся и тотчас захрапел. Этот храп не давал Светлане заснуть, от него, казалось, нечем было дышать. Она взяла свою постель и перешла в другую комнату. Но и через закрытую дверь проникали раскатистые, хриплые рулады и молодецкий посвист.

Светлана прочла однажды, что где-то за границей изобрели для храпунов «намордники», избавляющие окружающих от неприятных звуков. На такой намордник она готова была променять теперь своё любимое пианино. Но где найти ночью желающих на подобную сделку? И память услужливо подбросила ей другой, якобы не менее эффективный способ, рекомендованный солидным отечественным журналом, – крепко подвязать храпуну челюсть.

Всегда непробудно спящий Вадим моментально проснулся, как только она прикоснулась шарфом к его шее. Один глаз он никак не мог открыть, а другой, большой, круглый и ясный, вращался, как у перепуганной курицы.

– Что ты собираешься делать? – спросил Вадим почему-то шёпотом. Второй глаз ему тоже удалось открыть, и теперь оба глаза испуганно и трезво смотрели на Светлану.

– Подвязать тебе челюсть, чтобы ты не храпел, – ответила она, не понимая его испуга.

– А ты что, Светик, до сих пор не спала? – удивился Вадим сочувственно.

– Нет!

– Ну вот, дорогая, хватит тебе глупить. Придётся всё-таки работу оставить. Я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Тебя совсем извела эта твоя гиповская деятельность.

– Это ты, ты меня извёл! – выкрикнула она, и эхо где-то в ванной визгливо повторило: «Извёл!»

– Ну конечно, я один во всём виноват. Больна ты, голубушка, тебе лечиться надо.

Светлана выскочила из спальни и захлопнула дверь, а потом ещё долго ворочалась на узком, жёстком диване, перебирая в уме и примеряя на себя, как платья в магазине, различные жизненные ситуации, которые помогли бы ей избавиться от тягостного положения. Разойтись с Вадимом и уехать в другой город – слишком сложно. Разойтись и не уезжать, тогда её замучают сочувствующие. Оставить работу и попробовать наладить отношения – действительно, она во многом не права. Так и не решив ничего, она заснула.

Утром Светлану разбудили воробьи. Они затеяли возню на балконе и могли погубить её зелёную коллекцию. Правда, дог сих пор они ничего не испортили, хотя целый день был в их распоряжении, но по утрам они заставляли Светлану трепетать. И она их всячески задабривала, дошла до того, что стала покупать для маленьких шантажистов муравьиные яйца. Но сейчас ей хотелось их как следует взгреть. Не потому, что разбудили – ужасно надоело беспардонное птичье вымогательство и её зависимость от каких-то воробьёв.

Светлана на цыпочках подошла к двери и рыком распахнула её – воробьи как ни в чём не бывало смирёхонько сидели на клёне и косили на неё умненькие, насмешливые глазки, будто это не они только что захлёбывались писком и гремели жестью карниза. Кактусы и розы были в полной сохранности. Ну как было отказать таким пройдохам в лакомом корме?

На кухне Вадим творил фирменный завтрак: яичница с колбасой и кофе. Дальше этого его фантазия и возможности никогда не шли. Впрочем, по утрам есть обычно не хотелось. Вид у него был совсем, как у мудрого воробья на клёне, – ничего не произошло, не стоит волноваться.

Светлане тоже не хотелось продолжать ночную перепалку, тем более она всё больше сомневалась в своей правоте. Как-то ей довелось прочитать статью с категорическим названием «Не смей прощать». Из всей статьи запомнились только название и четверостишие. Собственно, оно и было смысловым центром статьи. И вот это четверостишие с каким-то неведь откуда взявшимся мотивом вертелось у неё в голове:

Не смей прощать мне обиды,
прощенье, оно опасно,
прощенье – как разрешенье
тебя обижать напрасно.

Кто кого обидел – она Вадима или он её – Светлана никогда не могла сказать утром, потому-то все их вечерние ссоры не имели утренних продолжений. А выпавшийся и сытый Вадим с утра был таким что «хоть до раны прикладывай», как говорила когда-то её бабушка.

Они мирно позавтракали и совсем уже тепло расстались у проходной.

– Ты, Светик, всё-таки поговори насчёт внеочередного отпуска, – как бы между прочим сказал Вадим напоследок, – махнём куда-нибудь к морю, а то ты совсем измоталась.

Ага, значит, у него тоже не выходила из головы ночная ссора, но в отличие от неё, он не терзался сознанием своей возможной вины. Всё дело, оказывается, в том, что она измоталась на работе, и ей достаточно подышать морским воздухом, чтобы исцелиться. И он повезёт её к морю и будет разбиваться в лепёшку, чтобы устроить ей там райскую жизнь, увы, даже не на полный месяц. Так вот, не нужна ей эта подачка! Уж если и отдыхать сейчас, то без милого друга Вадима. Ну вот, и она дошла до жизни такой, когда не хочется проводить отпуск с мужем. Смешно!

– Ты почему смеёшься и не отвечаешь на моё предложение? – обеспокоенно спросил Вадим.

– Думаю, что из этого ничего не выйдет, но поговорю с Жорой. Действительно, я устала.

Заранее торжествуя, что есть возможность отомстить Вадиму, признающему свободу только для себя, Светлана отправилась к Главному, не заходя к себе.

Жора приходил примерно за полчаса до начала работы, сидел в это время в кабинете, но до звонка никого не принимал, вернее. Никто не решался нарушить его утреннего уединения, хотя жаждущих попасть к нему спозаранку было немало. И на этот раз толпа из различных завов уже томила в приёмной.

– Товарищи, позвольте мне пройти первой, – попросила Светлана, – я попробую пробраться к Георгию Тимофеевичу до звонка. Обещаю, что много времени не займу.

– Пожалуйста, пожалуйста! – галантно откликнулись сидящие мужчины. До начала работы оставалось ещё десять минут, и они могли позволить себе галантность без особого риска.

Светлана, конечно, чувствовала себя неуверенно, перстывая порог кабинета в неурочное время, но Жорина дружелюбная улыбка в ответ на её нескладные извинения и приглашение сесть за журнальный столик – честь, которой удостаивались не многие – ободрили её. Она без обиняков высказала свою просьбу, сославшись, правда, на усталость и недомогание. Жора смотрел на неё ласково-сочувственно, чуть искривив рот в своей знаменитой грустно-нежной улыбке, и молчал. Тогда Светлана выложила свой последний козырь – попросила освободить её от гиповской работы. И это не было кокетством. Последнее время её всё чаще стали одолевать сомнения относительно своей пригодности к этой работе. Однако в это утро она не собиралась посвящать в них Жору, но желание пойти в отпуск немедленно было настолько сильным, что в ход следовало пустить все средства. Она произнесла монолог, что, видимо, рубит дерево не по плечу, что всё чаще её личные убеждения вступают в противоречия с производственными интересами. Она просто не в состоянии вертеться между двух огней, заказчиками и исполнителями, не такой ей представлялась работа гипа – она и не предполагала, что не располагая административной властью, гип похож на гастролирующего дирижёра.

– Дорогая Светлана Ивановна, – проникновенно произнёс Жора. – Дорогая Светлана Ивановна, – повторил он, уже стоя у окна, где ворвавшийся внезапно ветер трепал белый шёлк занавески, – не могу я отпустить вас в ближайшие два месяца, потому что только что подписал Семёну Григорьевичу отпуск на этот срок. Старик ведь и в прошлом году не отдыхал. А что до ваших сомнений, то, поверьте моему опыту, они совершенно напрасны. Вы прямо созданы для дипломатической работы. И надо было вам

заниматься ею всерьёз. Ну уж, если жизнь сложилась иначе, вдали от больших дипломатических дорог, то не следует отказываться от малых. Гип – ведь тоже, прежде всего, дипломат. А вы в этом смысле превзошли все мои ожидания: сумели наладить с заводом прекрасные отношения, каких у нас там давно не было. На заводе вас считают своим человеком и даже называют «наш человек в Гаване». Другим бы я воздал должное за такое прозвище, но в вашей преданности институту я уверен.

«Откуда, интересно, он это прозвище выкопал? Сам, наверное придумал», – Светлана была всё-таки польщена.

Звонок прервал их беседу. Рабочий день начался, и был он заполнен предотпускными хлопотами Семёна Григорьевича.

Семён Григорьевич долго и очень тщательно составлял для Светланы наставление-памятку. Были учтены все мелочи, и, если бы Светлане пришлось всё выполнять, на это ушло бы не меньше полугода. Она сказала об этом Семёну Григорьевичу.

– Да, это так, – согласился он, – но будем считать памятку перспективным планом вашей работы, так как после моего прихода из отпуска вы, скорее всего, будете работать самостоятельно. Меня Георгий Тимофеевич собирается сделать «главным теоретиком». Не знаю, чем буду заниматься в дальнейшем, а в ближайшее время предстоит разрабатывать технико-экономическое обоснование реконструкции завода, ТЭО. Но это предстоит через три-четыре месяца.

После обеда Семён Григорьевич ушёл, Светлана проводила его до проходной. Мадам Баттерфляй исчезла ещё раньше. У неё был учебный отпуск, и приходила она только для того, чтобы продемонстрировать в «женском клубе» новый купальный ансамбль: нежно-бирюзовая брючная пара и такой же закрытый купальник. Всё это отлично смотрелось на Галином бронзовом, гибком и сильном теле.

«Такая красивая молодая женщина – и жена старика! – думала Светлана. – Впрочем, почему Семён Григорьевич – старик? Только потому, что ему за шестьдесят, и все знают об этом? Потому, что у него волосы седые и розовая лысинка на затылке, которую он не пытается скрыть? Но он так же, как молодой, мотается по командировкам, возит Галю на мотоцикле, играет в бадминтон.

Что такое старость, когда начинается она? Когда появились морщины и волосы стали седыми? Но это замечают окружающие и зеркало – так ли уж необходимо им верить, если ты сам внутренне не чувствуешь никаких в себе перемен, если ты, как и раньше, полон энергии и готов в любой момент, «задрать штаны, бежать за комсомолом»?

Или старость прокрадывается к человеку незаметно для других, и только он чувствует её каждой косточкой, каждой мышцей своего тела? А знакомые между тем говорят: “Как вы прекрасно выглядите!” Да, видимо, истинная старость – это та, что внутри, и молод Семён Григорьевич, а я уже старуха, и Вадим начинает стариться».

Светлана позвонила ему сначала на работу, потом домой. Но с работы он давно ушёл, и дома его не оказалось. Ей тоже не захотелось идти домой, отправилась к Людмиле. Но и там её постигла неудача. На Светланин продолжительный звонок высунула нос из двери любопытная соседка и елейным голоском сообщила, что у Люси отгул, и она укатила с артистом в лес.

Ну что ж, этого следовало ожидать. Укатить бы самой с кем-нибудь в лес или хотя бы в кино сходить, но никто не догадывается пригласить. Да она и не приняла бы приглашения, наверное. Наверное? Нет, безусловно! А раз так, то остаётся только одной пойти на демонстрацию мод.

Светлана часа полтора смотрела, как кукольно-невозмутимые манекенщицы вышагивали на помосте. Туалеты ей не понравились: мода слишком резко менялась, и нужно было, конечно, не полтора часа, чтобы к ней привыкнуть. Но мода есть мода, и не всякая женщина способна перед нею устоять. Светлана решила сделать пока только один костюм модного силуэта: юбка-миди и кружевная кофточка с цыганским рукавом.

В автобусе она мысленно примеряла новый туалет: ярко-синяя юбка, такого же цвета кофточка, точнее атласный чехол под белую изморозь кружев. Не хватало, правда, цыганских серёжек и синей ленты в волосах. Вообще-то, не было ничего, кроме белого гипюра и идеи, которую нужно было немедленно начать осуществлять. Задумано – сделано. Светлана взлетела по лестнице и, думая, что Вадима всё ещё нет дома, открыла дверь своим ключом... Вся квартира была освещена, и посреди большой комнаты пьяный Вадим кончал укладывать чемодан.

– Ты куда собрался? – растерянно спросила Светлана.

– Ташкент!

– Но там жарко. И потом ты в таком состоянии...

– Тогда в Суздаль!

Она больше ничего не спросила. Усталость вдруг страшным грузом навалилась на неё, сдавила глаза. Светлана прошла в спальню и, не раздеваясь, легла на кровать.

– К чёрту такую жизнь! – кричал Вадим где-то, на кухне или в ванной. – Надоело! Пора нам разойтись, сейчас, немедленно! Слышишь?

Лилась вода, что-то разбилось. Потом хлопнула дверь, и всё затихло.

Светлана встала и оглядела квартиру. Чемодана и плаща не было – Вадим действительно куда-то уехал. Она погасила свет и, не ужиная, легла спать. Начиналась новая жизнь деловой, оставленной мужем женщины. «Бедная моя Мышка,– думала Светлана,– она так любит отца, бедная маленькая Мышка».

Глава X

Утром на работе Светлану ждал новый «подарок». С ечерней почтой пришло из главка письмо с распоряжением немедленно приступить к разработке ТЭО, технико-экономических обоснований реконструкции завода с учётом выпуска новых бытовых холодильников, кроме выпускаемых ранее прилавок. К распоряжению прилагался перечень изделий, предполагаемое количество их годового выпуска, год выпуска и стоимость. Требовалось определить трудоёмкость, рассчитать необходимые площади, количество оборудования, рабочей силы. Одним словом, необходимо было разработать проект, которому было присвоено название «Агат».

Разработка проекта была делом знакомым и не составила бы особого труда, если бы новое изделие существовало хотя бы на бумаге. Но конструкторы только-только приступили к его проектированию.

Светлана отправилась к Главному.

– Дело, конечно, неприятное,– сказал он,– но не будем отчаиваться, придётся ориентироваться на аналоги, отечественные и зарубежные, больше зарубежные, так как у нас до сих пор не было массового выпуска холодильников такой ёмкости.

Потом он вызвал Нестеренко и ещё несколько ответственных товарищей и дал новой работе «зелёную улицу». Через два месяца пахнувшие клеем и новым коленкором книги ТЭО должны были лежать на столе у начальника главка. Через два месяца, два долгих месяца, в течение которых новоиспечённый главный теоретик Семён Григорьевич будет наслаждаться Балтийским морем и кормить белок в Паланге, через два коротких месяца, за которые по-хорошему можно успеть лишь собрать исходные данные.

И что бы этому письму придти на день раньше, думала Светлана, тогда бы не Семён Григорьевич, а она кормила бы белок и вдыхала тёрпкий, пахнувший рыбой прибрежный воздух, а если и нет, то не она бы организовывала эту срочную и важную работу.

«В наше время,– вспомнила Светлана назидательные насмешливо произнесённые слова Жоры,– нет явных ретроградов, а есть только слабые людишки, стремящиеся от

себя отвести сложный вопрос». Вспомнила и устыдилась, и ни разу потом за всю работу над ТЭО не пожалела, что досталась эта работа ей.

Нестеренко подобрал отличный состав исполнителей. Заводчане помогали изо всех сил. Создалась та самая идеальная обстановка взаимопонимания и слитности интересов, о которой мечтает каждый гип. Сам Жора следил за ходом работы. Был явно доволен.

И всё-таки разразился скандал. Окончательные расчёты показали, что реконструкция предприятия потребует увеличения заводских площадей и рабочей силы в два раза. Экономическая целесообразность реконструкции не подтвердилась. Нужно было менять или заданную главком программу выпуска изделий, или проектировать новый завод.

Жора был взбешён, о новом предприятии и возможных ошибках работников главка он не хотел слышать.

– Нет, нет и нет! – глаза у Жоры опять стали белыми. Он говорил тихо, сквозь зубы, но лучше бы уж кричал. – Олегу Витольдовичу я докладывал о ходе работы, он уверен, что у нас всё в порядке. Снижайте трудоёмкость ещё процентов на сорок, и тогда можно будет ставить перед главком вопрос о некоторой корректировке программы.

– Нельзя, Георгий Тимофеевич, с одного медведя две шкуры снимать, – возразил Нестеренко.

– Да оставь ты хоть свои присказки! Главк же не утвердит подобного творчества. А если утвердит, то нам придётся проектировать новый завод. Ты что, не представляешь, какая это обуза? Приключений ищёшь на свою седую голову и мою тоже?

– И всё-таки это будет лучше, чем омолаживать старый с помощью фантастически прогрессивной технологии. Мы и так нашпиговали ТЭО такими предложениями, что мороз по коже, как представлю, что, не дай бог, нам придётся их внедрять, – не сдавался Нестеренко.

– Я такое ТЭО не подпишу, – Жора подвинул Светлане папку с материалами. – А заводчане не пойдут на новое снижение трудоёмкости.

– Что ж, будем искать компромиссное решение. Пригласите к трём часам представителей завода.

Перед началом совещания Жора посокрушался, что отсутствует директор, не может сказать своего мнения: сломал Игорь Николаевич ногу, осматривая новое здание института. Заводчане для приличия пособлезновали хором, хотя об этом печальном случае давно знали. Ну а дальше приличия были забыты, да и как о них помнить, когда речь идёт о трудоёмкости.

Заводская сторона, а её возглавлял директор завода, на снижение не согласилась. Тон задал Михаил Исаакович, сказав:

– Не надо забывать, что зарубежные прототипы проще и массовый их выпуск налажен давно. И всё же нашим «друзьям» за кордоном не удалось снизить трудоёмкости, хотя они и потогонной системой не гнушались. Резервы все у нас исчерпаны, товарищи, по крайней мере, на ближайшие десять лет.

Директор завода предложил вынести вопрос на обсуждение в главк. Жора промолчал. На том и разошлись.

– Ну вот что, Светлана Ивановна,– сказал Жора, задержав её после совещания,– внести коэффициент ужесточения, всё переделайте, и мы отправим ТЭО без заводских подписей.

– И без моей!

– Вы меня удивляете,– ласково, вкрадчиво, как с капризным ребёнком, заговорил Жора.– Как мы будем выглядеть в главке? Я разговаривал с Олегом Витольдовичем, и он в полной уверенности, что работа будет сдана в срок. Да и скажу вам по секрету: не нужна она никому, в главке поставят галочку и положат её в шкаф. Я располагаю точными сведениями, что в ближайшее время будет внедряться «Бета». Да, «Бета». Сейчас министерство ведёт переговоры о закупке в Германии завода полностью.

«Неужели это правда? Неужели такое может быть? Потрачено столько сил, времени, средств на работу, которая нужна только для галочки, которую сразу сдадут в архив! Не может быть, нет, нет!»

– Нет! – произнесла Светлана. – Переделывать ничего не буду и докажу начальнику главка правильность наших расчётов.

– Жаль! Тогда материалы немедленно в переплёт. Послезавтра вы поедете в Москву без меня и попытаете объясниться с Олегом Витольдовичем. Не знаю, как мы с вами будем работать дальше...

– А всё так же,– буркнула Светлана и пошла к двери. – До свидания.

– До свидания, горе моё,– услышала она в ответ.

Грустно и нежно прозвучало это «горе моё».

«Только разве мог Жора сказать такие слова, с какой стати? – подумала Светлана. – Наваждение какое-то. Совсем заработалась».

Светлана, действительно, всё это время жила работой и мыслями о ней. Домой приходила только ужинать и спать. Квартира казалась большой и неудобной. Сидеть в ней одной было очень тоскливо, даже пианино стало звучать старческим, надтреснутым

голосом. Не умела она жить одна и совсем разучилась пользоваться свободой. Разрыв с Вадимом перенесла неожиданно легко и не испытывала ничего, кроме облегчения от мысли, что он навсегда ушёл из её жизни. А без Мышки не могла. И воскресные походы со знакомыми в театр, и массовые, институтские, вылазки в лес не заглушали её тоски по Мышке. Забывалась Светлана только на работе и очень подружилась со стариками гипами. От них она не скрыла очередную стычку с Жорой даже секрет выдала, умолчала, правда, о его прощальных словах.

– Значит, вы бросили вызов солнцу, – сказал Анатолий Сергеевич, и видя, что Светлана его не поняла, пояснил: – Как говорят испанские тореодоры, «в жизни каждого человека наступает час истины, когда возможно два исхода: или отойти в тень, или бросить вызов солнцу». Вы предпочли последнее.

– Не стоит сгущать краски, – усмехнулся Емельян Сафонович, – Георгий Тимофеевич этого вызова не принял. Он просто не хочет в главке копыя ломать, а потому и тактично закрывает глаза на их ошибки. И он в самом деле знает о закупке завода и не сомневается, что она совершится, иначе не стал бы настаивать на подтасовке результатов.

– Безусловно, однако переговоры ничего не гарантируют, напрасно он так уверен. Не зря же было дано задание разработать ТЭО.

– Георгий Тимофеевич, видимо, полагает, что политические соображения заставят не считаться с коммерческими выгодами – завод будет куплен, ТЭО – проформа, и не стоит портить отношений с начальником главка, которые у него и так не на высоте, – возразил Емельян Сафонович.

– Как же так! – возмутилась Светлана. – Идти на такой риск из мелких личных побуждений, сознательно толкать людей на заведомые ошибки! – А в ушах всё ещё звучал Жорин мягкий голос, его странное обращение «горе моё». – Не пойму, что он за человек!

– Он карьерист, Светлана Ивановна, чистой воды, из тех, кто готов идти по головам. С такими надо бороться.

– Нет же, – не согласился Сергей Анатольевич, – он обыкновенный слабый человек, которому по ошибке досталось чужое кресло. Но ему оно понравилось, и он изо всех сил старается в нём удержаться.

– И на борьбу с ним не стоит тратить душевных сил, – добавила Светлана.

– Не провоцируйте нас на физическую расправу, – пошутил Емельян Сафонович.

Вот так всегда шуткой в узком кругу кончалась критика Жориних действий.

После работы Светлана зашла к Люсе, чтобы сообщить о своей командировке в Москву. Последнее время они почти не виделись: Люсю одолела любовь. Хотя театр

уехал на гастроли, Люся продолжала встречаться с Елиным где-то вне горда, и Светлана сомневалась, что застанет её дома. Но Люся как примерная домохозяйка занималась домашним консервированием. У неё были несомненные задатки кулинара, и, когда на неё находил хозяйственный стих, она творила на кухне чудеса.

– У меня маринад убегает! – вместо приветствия крикнула Люся, открыв дверь, и скрылась на кухне.

Там, сверкая чистотой, как солдаты на параде, уже выстроились закупоренные банки; аппетитно громоздились на столе отборные овощи; остро и сладко пахло маринадом – запахом приближающейся осени.

– Люся, лето кончается.

– Угу, кончается, – безмятежно согласилась Люся. – Ну и что? Ещё долго будет тепло, ещё будут фрукты. Лето – для нас понятие календарное, вот для Мышки – другое дело: ей в школу пора.

Они поговорили о Мышке, о том, что её надо как-то забирать домой, потом – о Вадиме.

– Да ты не огорчайся, – сказала Людмила, она на время прервала консервирование и тут же на кухне организовала ужин. – Я тоже расстраивалась, когда Серёжа ушёл, а теперь так счастлива, так счастлива.

Она смутилась и жестом, видимо, перенятым у бабушки, вытерла фартуком покрасневшее лицо. Здесь, дома, без обычного нарядного обрамления Людмила не была красивой, только лицо рдело здоровым лаковым румянцем дорогой матрёшки.

«Счастье ей не идёт, – подумала Светлана, – от него она дурнеет», – и спросила:

– Когда же вы собираетесь пожениться?

И тотчас же, как тогда в театре, поняла, что допустила бестактность – не следовало задавать такого вопроса – и, не поднимая на Людмилу глаз, с тоской представила, как изменится её лицо, как полиняют на нём яркие краски счастья. Но Люсю этот вопрос нисколько не опечалил. Похоже было, что она давно ждала его, так обстоятельно, так обдуманно рассказала, что у Елина есть семья: взрослый сын и больная, прикованная вот уже несколько лет к постели жена, бывшая когда-то киноактрисой. На одной из съёмок она как-то неудачно искупалась, у неё отнялись ноги, а теперь ещё и сердце барахлит. Александр к ней очень привязан и никогда её не оставит, подло было бы даже предположить это.

За всё время рассказа Светлана не уловила в тоне Людмилы личной горечи, горечи от своей неудавшейся в общем-то любви. Напротив, чувствовалось, что Людмилу волнует и печалит судьба женщины, которая была, по сути дела, её соперницей.

– Как ты можешь хлопотать о каких-то лекарствах и врачах, когда естественнее было бы для тебя желать ей смерти? – удивилась Светлана.

– Во-первых, я не представляю, как вообще можно кому-то желать смерти, во-вторых, она близкий Саше, родной человек, и я никогда не пожелаю и не сделаю ей ничего плохого.

– А любить её мужа... Помнится, ты была против адюльтеров?

– Я ничего у неё не отняла! – возразила Люся запальчиво.

Светлана поспешила переменить тему и рассказала о новом «психологическом этюде» Жоры.

– Чтобы обеспечить себе спокойную жизнь, нош Главный готов до пенсии реконструировать районные котельные и бани. И сейчас настаивает на фиктивной реконструкции потому же. Перестраховщик и трус. Боится, что институт настоящего большого проекта не осилит. Обидно, понимаешь?

– А может быть, он прав – не осилите, – пропела Люся, которая опять принялась за консервирование и закрывала очередную банку. – Да и реконструировать выгоднее, чем строить...

– Вот-вот! Именно в этом главная сила и опасность нашего Жоры – он всегда выглядит прогрессивным руководителем. Люсенька! Да если бы он был уверен, что всё кончится на ТЭО и не дойдёт до проекта, он бы не заикнулся о снижении трудоёмкости на 40 процентов. Откуда только он эту цифру взял? Подогнал, просто подогнал! Чтобы начальнику главка угодить...

– Оставь помидор в покое, я его уже вымыла, и сполосни петрушку, – Люся была невозмутима. – НЕ понимаю, ты-то чего так кипятишься? Уж ни хочешь ли взвалить на себя проект?

– Хочу! – ответила Светлана с вызовом.

Люся присвистнула и ловко выхватила из кастрюли с кипятком банку.

– А на кой рыбе зонтик?

– Рыбе не на кой, а я дела хочу, во-первых. Настоящего!

– Будто сейчас у тебя его нет. Мало ты вечеров угробила? Саша предлагал...

– А-а! – перебила Светлана. – Дай договорить. Во-вторых, хочу наконец увидеть результат своего труда. А то ведь – одни бумаги и бумаги. Представляю, как прихожу на действующий уже завод, проектированием которого руководила, и всё мне там знакомо. Любой цех, как родная квартира. В штамповочном – рекой конвейер движется, вдоль него прессы в две шеренги стоят. Кстати, ты слышала когда-нибудь музыку прессов?

– Не до неё мне! Петрушку помыла? Теперь покроши и поживее. – Люся подвинула разделочную доску. – Я вот думаю...

– По цеху божьими коровками электрокары снуют, и я знаю, сколько их. Направо – дверь инструментальной...

– А на фасаде табличка. Неброско так, мелким шрифтом: «Проект выполнен авторским коллективом под руководством (тут уже крупный шрифт) гига Светланы Ивановны... И чем ты, дорогая моя, отличаешься от Жоры?»

– НЕ понимаю, – обиделась Светлана.

– А чего тут непонятного! Один против нового завода, чтобы усидеть в своём кресле, другая – за новый завод, чтобы сесть в кресло, которое ей посулили и которое ей ночами снится.

– Ну знаешь ли! – Светлана не нашлась, чем возразить.

Поплакалась называется. Лучшая подруга видит в её поступках лишь карьеризм, гипы – инфантильность, неопытность, женскую эмоциональность. И никто её понять не пытается. И посоветоваться не с кем. И вдруг мелькнуло: Фёдор? Встретиться с ним, поговорить? Но в данную минуту следовало ответить Люсе:

– А не подумала ты, Люсенька, что после моего сегодняшнего демарша кресла этого мне не видеть во веки веков и до самой пенсии ходить в старших инженерах? Повышения и понижения мои, между прочим, от главного инженера зависят, а Жора у нас крепко сидит и терпеть вечно моё противостояние не будет. Неужели не понимаешь: мне противно, противно, что мы буксуем на месте, имитируя кипучую деятельность! Думаешь, одна я это вижу? Просто большинство хочет спокойной жизни – «моя хата с краю». Я с тобой затеяла этот разговор, потому что ты не такая, как они. Думала, ты мне что-нибудь подскажешь.

– Извини, Светленький, – Людмила обняла Светлану, поцеловала в щёку. – Ей-богу, у меня нынче голова совсем не тем занята. Я не хотела тебя обидеть. Ты что, совсем шуток не понимаешь? И не печалься ты, что работа сделана зря: там в верхах разберутся и, если что не так, кое-кого взгреют. А пока, как говорят в Одессе, плюнь на всё и береги здоровье.

Больше говорить на производственные темы Люся была не расположена. Она, как влюблённая семиклассница, вновь и вновь возвращалась к «предмету страсти нежной» или к тому, что так или иначе было связано с ним: «Саша сказал... Он любит вишнёвое варенье и терпеть не может клубничного... Его костюмерша...».

Светлана на неё не обижалась, слушала и улыбалась: давно ей не приходилось быть наперсницей влюблённой.

Домой она уходила в приподнятом настроении, совершенно успокоенная – чужое счастье уделило и ей немного радости. А в том, что Люся счастлива, несмотря на видимую ущербность любви, Светлана не сомневалась. Именно ущербность, налёт трагизма в отношении с Елиным делали для Люси счастье полнее: она не только любила и была любимой, а ещё и самоотверженно делила возлюбленного с другой женщиной и наслаждалась своею самоотверженностью.

Дома Светлану ожидала телеграмма: «Приедем Мышкой двадцать третьего. Очень соскучились. Целую. Вадим». Светлана швырнула телеграмму на пол и заплакала.

Глава XI

Поезд пришёл в Москву двадцать второго утром.

Вместе со Светланой приехали и представители заинтересованной стороны: главный инженер завода и Михаил Исаакович. И, рассчитывая на их поддержку, Светлана очень ободрилась, так как в глубине души всё-таки побаивалась предстоящего разговора с начальником главка. Он, как говорили, был человеком суровым и держался с сотрудниками весьма официально, а тут надо было вручить ему сомнительный, не подкреплённый весомыми подписями директора и главного инженера документ и доказывать необходимость создания в главе нового предприятия.

Но её опасения оказались напрасными: материал был принят, доказывать ничего не пришлось, а слухи о чрезмерной официальности и суровости начальника главка не подтвердились.

Суровой у Олега Витольдовича была только внешность: крупная голова с треугольным лишённым признаков растительности черепом, большие на выкате глаза, орлиный нос и тонкие губы. «Похож на Мефистофеля», – решила Светлана. Сухой негромкий, лишённый интонаций голос удивительно подходил к его облику и добавлял ему суровости. А вот всё, что говорил Олег Витольдович, было и любезно и доброжелательно.

Оказалось, что он знал об их приезде, знал и то, с чем они приехали: накануне ему звонил Георгий Тимофеевич, сообщил о варианте проектирования нового завода и, видимо, чтобы предупредить возможные для себя осложнения, сослался на свою болезнь.

О Жориной болезни Светлана услышала впервые и, не сообразив сразу, что это лишь дипломатическая уловка, не сдержала удивления. Олег Витольдович заметил её гримасу и сказал бесстрастно:

– Что-то ваше начальство болезненным стало в последнее время – придётся го менять.

Светлане показалось, что это была не шутка.

Предположение, что программа выпуска будет велика даже для реконструированного предприятия, в главке обсуждалось и прежде, но, так как делались только прикидочные расчёты, решено было выдать институту задание на разработку ТЭО реконструкции завода. И вот институтские расчёты подтвердили это предположение, только и всего, и никто в главке не собирался копыя ломать. Перестраховщик Жора едва не попал впросак.

Потом начальник глава уделил несколько минут непосредственно Светлане. Поинтересовался, давно ли она работает, какие занимала должности, что кончала. Вначале вопросы носили чисто деловой характер – начальник главка знакомился с новым гипом. – когда же Светлана назвала институт, который окончила, жёлтое неподвижное лицо Олега Витольдовича озарило подобие улыбки, оно даже вроде порозовело, характер вопроса сразу изменился: этот немолодой уже человек и Светлана оказались однокашниками. Правда, Олег Витольдович окончил первый выпуск института, на двадцать лет раньше Светланы. Тем не менее, у них были даже общие преподаватели, сохранившие в течение двадцати с лишним лет свои привычки и причуды.

– Вы, я думаю, посетите нашу альма-матер, давно мне не приходилось там бывать, – сказал Олег Витольдович на прощание. – Завтра у вас будет свободный день: мы сами посмотрим материалы, а двадцать четвёртого с утра соберёмся для обсуждения.

И начальник главка отпустил Светлану и Михаила Исааковича, а главный инженер ещё остался по каким-то заводским делам.

На другое утро сразу после завтрака Светлана отправилась в институт, где давно не бывала. В Москву ей приходилось ездить часто, в командировки, но занятая на предприятиях с утра до вечера, она, в общем-то, столицы не видела. Когда же выдавалось свободное время, она банально тратила его на магазины. Вечерами же шла в гости или театр. Однако благодаря Лиде, которая после окончания института осталась на кафедре, она была в курсе институтских дел.

Пять лет Светлана училась с Лидой в одной группе, жила в одной комнате, кочуя из одного студенческого общежития в другое – Тушино, Стромынка, Черёмушки, Сокол. Менялись места жительства и соседки по комнате и коридору, но Лида оставалась для Светланы ближайшей подругой и – самой опасной соперницей.

Маленькая, кругленькая, тихая, со смешными бантиками, провинциалка Лида не произвела поначалу в группе ни на кого впечатления. Армада мальчишек вилась вокруг бойких и элегантных москвичек, на головах которых красовались модные причёски, а не какие-то там детские бантики.

Но вскоре выяснилось, что у тихой провинциалки золотая медаль, глаза с поволокой и коса ниже пояса (неотъемлемые признаки русской красавицы), а к этому ещё уйма различных достоинств. Центр притяжения сместился.

Умная была девочка Лида, умная и собранная, слов зря на ветер не бросала, помнила, что «молчание – золото», а потому всё сказанное ею в группе ценилось втридорога: «Лидочка сказала, Лидочка считает». Окончила институт с отличием, аспирантуру под руководством Фёдора, осталась на кафедре. И Светлана теперь чертовски завидовала Лидочке, впрочем, она ей всегда завидовала. Завидовала её усидчивости, способности углубляться в изучаемый скучнейший предмет до самого корня, завидовала кольцу с бриллиантом и серёжкам, хотя сама боялась проколоть уши, завидовала, что у Лидочки есть Пашка, которого совершенно не одобряла. Теперь, идя по Петровке, завидовала Лидочке, что она бывает на этой улице каждый день и совершенно не сосредотачивается на этом.

Петровка была самой любимой улицей Светланы. С неё для Светланы начиналась Москва. Не Москва – столица, не Москва – колыбель русской славы, а город её юности, самое притягательное для неё место на земле, по которому беспричинно и вроде бы без всякой связи могла возникнуть вдруг тоска дома или на работе. И тогда Светлана откладывала всяческие дела и несколько минут «гуляла» по Петровке от ЦУМа до Страстного бульвара. Именно эта часть улицы ей больше всего нравилась, по ней так лихо бежали весной ручьи, образуя у магазина мехов совсем не столичную лужу.

Зимой на Петровке хозяйничал сквозняк, заставляя пешеходов поднимать воротники, модниц придерживать мерзнущими руками «минингитки», сметая крикливых ворон с купола церкви, которая почти всё время была в лесах, всё время реставрировалась. В этой церкви венчался юный Петр I с Евдокией Лопухиной. На эту церковь, на красные монастырские стены любила смотреть Светлана во время скучных лекций.

Эти созерцания никогда не ассоциировались с судьбой горемыки Евдокии. И сейчас, пробегая мимо красных стен (церковь всё ещё или опять была в лесах), Светлана вспомнила не экс-царицу, а бывшую сокурсницу, жившую некогда на монастырском подворье, как живётся ей теперь в Загорске, да в Загорске ли? Получив диплом после труднейших для всех, а для неё особенно, экзаменов сокурсница эта перед выпускным вечером неожиданно вышла замуж... за будущего священника.

На кафедре по этому случаю был «траур»: не доглядели, что в стенах института среди проверенных «до седьмого колена» студентов обучался социально чуждый элемент, авиационная промышленность лишилась квалифицированного специалиста. Больше всех возмущался Фёдор: «Дубровина без диплома оставили, Степанова отчислили, а эту дуру за уши вытянули. И она наплевала на все, на всех...» – «А если это любовь?» – заступилась Светлана. – «Да какая любовь! Что такое любовь!» – воскликнул Федор, и Светлане показалось, что он вообще отрицает это чувство. Вся дальнейшая его жизнь лишь подтверждала эту догадку – Фёдор всё ещё пребывал в холостяках.

У институтской двери был плохой характер, возможно потому, что её без конца толкали, – она не любила открываться сразу и не любила чужих. Светлану она не узнала и не желала пускаться.

– Дверь, дверь, - шепнула Светлана нежно, – я своя – откройся.

Дверь оскалила в приветственной улыбке узкую щель, и Светлана, как в студенческие годы, отважно в неё бросилась, не теряя ни доли секунды – помнила: коварная обязательно сделает возвратный ход. Щель оказалась уже, чем раньше, но Светлана проскользнула в вестибюль, и тут же, хищно клацнув, сомкнулись за её спиной дубовые створки.

Всё было, как прежде: и норовистая дверь, и вестибюль, пестрящий всевозможными объявлениями, безголосо взывающими со всех стен, то же тусклое зеркало в углу, и даже знакомые гардеробщицы дремали за высокими барьерами.

На какой-то миг утратив представление о своём теперешнем месте в этой не изменившейся обстановке, Светлана упругой подпрыгивающей походкой направилась мимо вахтёра к лестнице.

– Ваш пропуск, гражданочка!

Эта просьба-приказ сбросила наваждение: «гражданочка! – не «девушка», и пропуска у неё не было.

Пришлось звонить Лиде. Она примчалась тотчас же, но эта была уже не та Лида из юности. Перед Светланой стояла маленькая очень элегантная худощавая женщина с усталым и даже несколько увядшим лицом. Светлана видела Лиду довольно часто, но они встречались в другой обстановке, где все их внешние перемены принимались как должное, не бросались в глаза.

Светлана посмотрела на себя в зеркало, хотя знала, что не увидит в нём прежней угловатой похожей на скворца девушки, – хотелось убедиться, что время не так беспощадно к ней, как к Лиде, что в ней больше осталось от юности. Но старое зеркало не

покривило душой: в отражённой в нём женщине почти ничего не осталось от бывлой худышки.

– Совсем другая красота,– произнесла Светлана с грустью услышанную у дочери фразу. Семилетняя кокетка как-то долго вертелась перед зеркалом, а потом задумчиво произнесла: «Мама, ты знаешь, у меня стала совсем другая красота».

Лида не поняла Светланиной грусти по ушедшей юности и поспешила утешить:

– Ты прекрасно выглядишь. Вот поразился бы Васька. Помнишь, он всё издевался над твоей худобой?

Светлана, конечно, помнила и худобу, и Ваську, и его вечные насмешечки, вроде: «Ах, мы изящны, как карандаш». «Ой, ребята, меня Светочка своей костёй уколола!» – «Костью»,– поправляла она,– костью»,– и не обижалась: худоба не мешала ей жить, ну разве, лишала солидности, делала инфантильной даже в собственных глазах, и она пошколярски робела перед преподавателями, чувствовала себя совершенной девчонкой с Федей...

Светлана ждала, что Лида скажет что-нибудь о Фёдоре. В последнее время все встречи подруг начинались Лидиными рассказами о нём. Лида считала, что он сознательно тормозит её карьеру, а потому и тему диссертации заставил сменить и срок защиты перенёс и выступал против того, чтобы сделать её ассистенткой. «Не понимаю, чем я ему не угодила?» – обычно заканчивала свои жалобы Лида. Светлана знала чем. Как-то Фёдор написал ей: «К сожалению, творческий альянс с вашей подругой не сложился: у неё прекрасная память, но, увы, совершенно нет воображения. А без него в науке делать нечего. Впрочем, она в науку и не стремится – мечтает красоваться перед студентами на лекциях. И только для этого ей нужна степень».

Степенью Лида обзавелась и читала лекции старшекурсникам, не хуже других преподавателей, и необходимые творческие работы предоставляла, и ею восхищались мужчины коллеги, все – кроме Фёдора. И равнодушие его оскорбляло Лиду.

На это раз Лида не завела обычного разговора – делилась семейными новостями, из ряда тех, которые не требуют ни доверительной атмосферы, ни заинтересованности собеседника. Их Светлана охотно бы выслушала в метро или булочной, но для институтских стен они показались ей малозначительными. Она подумала, что ею и Лидой эти стены воспринимаются по-разному.

Лида работала в институте, и он перестал быть для неё только источником приятных и мучительных воспоминаний. И, если при ней призраки прошлого и выходили из каких-то укромных уголков, то лишь на миг, чтобы тотчас же исчезнуть: выглянула и

сразу спряталась за дубовой панелью лукавая Васькина мордочка – нечего делать призракам в солнечном свете настоящего.

А солнца было много в просторных пахнущих сосновой хвоей коридорах, и, как в сосновой роще, веселые жёлтые блики лежали на полу. Приятно было ходить по таким коридорам, уютно сидеть на широких низких подоконниках. Но в этот утренний час коридоры были пусты – до начала занятий оставалась неделя – и Светлана была рада этому: встреча с нынешними обитателями института ещё усилила бы чувство охватившей её тоски по прошедшей юности, повторилась бы та же история, что и в школе год назад.

Бывая в родном городе, она обходила школу стороной. «Зазналась», – говорили о ней бывшие соученики и учителя. Но это было не так – она боялась почувствовать себя в школе лишней. И всё-таки решилась, пошла.

Школа больше ей не принадлежала. Это была школа других девчонок и мальчишек. Они по-хозяйски сновали взад и вперёд в вестибюле, спускались по лестницам и взбегали вверх, невероятно галдели и вроде не обращали на неё внимания – равнодушно обходили, как обходят мешающий предмет. А она стояла и потерянно озиралась, не решаясь в такой толкучке подняться по лестнице. Какой-то мальчик заметил её и вежливо спросил:

– Вас проводить в учительскую?

– Спасибо, – ответила она, – я знаю дорогу, – и решительно поднялась среди кишаших малышей на второй этаж.

У Доски почёта тоже толпились ребята. Она теперь занимала всю стену. В разделе закончивших школу с медалью Светлана не сразу разыскала свою фотографию – столько оказалось последователей. Белый парадный фартук, белое измученное детское личико, совсем не зрелое, тревожный, ждущий взгляд.

Никто из стоящих рядом ребят не узнал её, никто, вероятно, и не пытался сопоставить «взрослую тетку» с грустной девочкой из школьной истории.

В учительской она тоже оказалась чужой – пришлось унижительно объясняться, кто она, зачем явилась. Новые молодые учителя, правда, заинтересованно встрепенулись, стали радушны и гостеприимны, но она так и не почувствовала себя своей.

Нет, все эти посещения «оставленных храмов» не для неё, решила Светлана. И в институт она бы не пошла, если бы там не было знакомых.

На кафедре Светлане не пришлось никому рекомендоваться. Были всё старые знакомые, которые, конечно, могли давным-давно забыть её, но не забыли или сделали вид, что отлично помнят.

Константин Иванович, заведующий кафедрой, всё такой же чернобровый и густоволосый, вроде в том же сером костюме, что и десять лет назад, пошёл ей навстречу, протягивая обе руки и приговаривая:

– Ну, наконец-то, наконец!

Она не успела сообразить, относится ли это к их ожиданиям настоящего утра или к её появлению на кафедре вообще, как последовал вопрос:

– Вы не устали?

– Пока нет,— ответила она, принимая вопрос за приветствие и ещё раз оглядывая собравшихся – Федора среди них не было.

– Держись, Светлячок! – воскликнула Лида. – Сейчас тебя как почётного гостя в подвал потащат.

– Именно, именно! – весело отозвался Константин Иванович. И тон его, и та резвость, с которой он действительно направился к огороженному проёму в полу, увлекая за собой её, очень Светлану удивили. Заведующего кафедрой она считала человеком сухим и высокомерным. До разговоров со студентами в её время он не снисходил, лекции читал без всяких там лирических отступлений. Это он закатил ей тройку по штамповке, засыпав на теории пластических деформаций. Больше он этой теории ни у кого не спрашивал и больше троек тогда не поставил.

Но теперешний доктор технических наук и завкафедрой о её позорной тройке не помнил и хвастался удачно приобретённым прессом для штамповки резиной.

– Пришлось тут всё переделать,— говорил он с гордостью,— фундамент, стены. Помните, какой металлолом здесь стоял?

Светлана кивнула, хотя забыла, что раньше помещалось в подвале. А новый пресс был отличным, не на всяком заводе увидишь такой. Она похвалила приобретение, не лукавя.

– Я ещё одну новинку вам покажу,— обрадовался Константин Иванович и повёл Светлану в комнату, которая считалась его кабинетом.

И хотя Светлана шла теперь в комнату, в которую прежде даже не пыталась войти (студенты туда не допускались), хотя завкафедрой был непривычно любезен, она всё равно чувствовала себя здесь, как в отчем доме, в который приезжаешь после долгих лет разлуки. И вещи новые в доме появились, а твоими игрушками играют уже племянники, но в этом доме – твои родители, в этом доме, пока они живы, ты— всегда дитя, а потому нет в нём места грусти о времени быстротечном.

Оказалось, что кабинета, как такового, заведующий кафедрой не имеет. Маленькая комната, как и общая, была набита оборудованием. У окна стоял письменный стол, за ним

сидел в синем халате... Фёдор? Его сутулая спина, чуть заросший, седеющий, и всё-таки мальчишечий затылок. Ну, повернись, повернись же! Это был не Фёдор.

Новинка же, которой собирался завкафедрой поразить Светлану, станок для бесшумной клёпки, конструировалась и изготавливалась в проектно-институте, где она работала и при её участии. В ритуал приёма почётного гостя, видимо, входил розыгрыш.

Потом Светлана рассказывала о себе. Все расположились за длинным столом, на котором обычно принимались у студентов зачёты. Поэтому у неё было такое ощущение, что она отчитывается перед собравшимися. А говоря о проекте с красивым названием «Агат», руководителем которого её временно назначили, Светлана вдруг почувствовала, что ей в этой перспективной и интересной работе отведена роль всего лишь калифа на час. Стало стыдно.

«Хорошо, что Фёдора нет,— подумала она, переводя дух и делая паузу,— наверное, ещё из отпуска не вернулся». Завкафедрой истолковал её паузу, как конец монолога, но не сказал обычных после такого рассказа бодреньких слов: «Не напрасно мы на вас надеялись, вы не подвели нас, так держать», — а в ответ на Светлану искренность поделился неприятностью, что принято только с близкими людьми.

— У нас несчастье,— сказал он.

Светлана вздрогнула и покраснела — она догадалась, с кем несчастье, и, боясь услышать самое страшное, ухватилась за край стола. Константин Иванович взял её холодную руку и тихонечко сжал в своей мягкой и тёплой, а потом договорил, успокаивая каждой фразой:

— Лежит в больнице Фёдор Степанович (не умер, значит...). Ступни ему отрезало трамваем (всего лишь ступни, а могло быть и хуже). Так что, если у вас есть время, Светлана Ивановна, навестите его, он будет рад вас видеть. Да и врачи считают, что ему необходимы положительные эмоции.

Время у неё, конечно, было — его не могло не быть.

— В провожатые возьмите Лидию Сергеевну, она была у Фёдора Степановича несколько раз.

Так значит, он лежит в больнице уже давно. И Лида ей не написала, ничего не сказала при встрече. Не хотела волновать? Но ведь она всё равно узнала, и ей легче было бы узнать от подруги, чем от заведующего кафедрой. Но на кафедре давно знают об их отношениях... О каких отношениях? Не было никаких особенных отношений.

Троллейбус ужасно трясло, и тащился он, чёрт знает, как медленно по Садовому кольцу.

Фёдор так и не обзавёлся семьёй, и Лида говорила, все считают... Стало быть, учёные мужи не только науку двигают, а ещё и сплетнями занимаются в рабочее время.

Но почему Фёдор не женился?

Боялся, что семья помешает науке. И она, Светлана, тут совершенно ни при чём. Откуда ей известно, что он любил её? Он всегда был с нею так официален. Даже засиживаясь допоздна над её проектом, они говорили только на технические темы. И она считала, что он видит в ней лишь свою ученицу, лишь способную ученицу, одну из немногих девушек, действительно преданных науке.

Правда, один раз ей показалось, что он хочет пригласить её в театр. Они долго сидели над проектом: что-то не ладилось, каждый предложил уже не по одному варианту решения, которые сообща были отвергнуты. Какое-то время молчали, потом Фёдор сказал:

– Светлана Ивановна (он называл её всегда по имени и отчеству, и ей казалось, что он насмехается над ней), вы давно были в Большом театре?

Сердце у неё радостно подскочило к горлу, и она, не подумав, ликующе брякнула:

– Нет, недавно!

– Но всё равно вы, наверное, ещё не успели увидеть новую...

Тут Фёдор почему-то замолчал и, отвернувшись от неё к окну, затянулся сигаретой.

И её опять подвела глупая радость. Она так привыкла договаривать за него оборванные на полуслове технические фразы, что и тут с неуместной поспешностью добавила:

– Новую постановку «Кармен».

– Нет,— возразил Фёдор, не глядя на неё,— я имел в виду новую систему виброгашения в театре.

Ей стало до слез стыдно. Обидно ужасно. В эту минуту она ненавидела и себя и его.

Нет, не любил он её. Нет и нет!

Но он был преподавателем, он обязан был держать дистанцию, он не имел морального права заводить роман со студенткой.

И, тем не менее, на первой же его лекции она почувствовала, что не безразлична ему, и в общежитии на удивление девчонкам стала вроде бы совсем некстати декламировать Маяковского:

Пришла –

деловито,

за рыком,

за ростом,
взглянув,
разглядела просто мальчика.

Взяла,
отобрала сердце
и просто
пошла играть –
как девочка мячиком.

А как он улыбался ей, большой, некрасивый, лысеющий! Как удивительно преображала улыбка его грубой лепки лицо: оно становилось мальчишески озорным, очень обаятельным.

«Я всего на восемь лет старше вас, Светлана Ивановна! – как-то сказал он.

Ага, значит, были не только технические темы!

Тридцатилетний, кандидат технических наук, он руководил выездной преддипломной практикой. Она собирала материалы для проекта в одном из цехов крупного авиационного завода. Срок был очень небольшим, работы оказалось много, но у неё почему-то прибавилось сил – совсем не чувствовала усталости, не замечала времени. Фёдор заходил к ней каждый день после обеда, и они вдвоём гуляли по «большому кольцу», так Фёдор называл маршрут их прогулок вокруг корпусов. Он следил за ней, как заботливый тренер, и считал, что прогулки ей необходимы, чтобы дышать свежим воздухом, худенькой и болезненной, она совсем заработалась и может надорваться.

Тогда она не думала, что эти сорокапятиминутные гуляния компрометируют руководителя практики: о них знали студенты, работники завода, да и как нелепо, как вызывающе выглядела парочка, прохаживающаяся среди бела дня в рабочее время по заводу.

Он любил, любил! И она виновата, что любовь оборвалась. Сама наступила на горло своей любви. Будь проклята инфантильность! Да и чрезмерная гордость – тоже!

А ведь садилась в любовном экстазе на пол: "Девочки, я влюбилась!" Несчастливая позерка, так никогда и не ставшая женщиной.

Наконец троллейбус остановился, и они вышли.

Светлане никогда не приходилось прежде бывать в больнице. До сих пор судьба её миловала. О больнице она думала со священным ужасом, как зверолоды в повести Уэллса: «Дом страданий, Дом страданий». И вот она попадает в него, чтобы увидеть слабым, немощным человека, которого любила здоровым и сильным.

Больничный двор был похож на город: маленькие улицы, номера на корпусах, обнесённые решётками скверы (от кого тут отгораживались?), вдали лаяли собаки.

– Откуда здесь собаки?

– Виварий, – объяснила Лида, – нам как раз в ту сторону.

Лай приближался, нарастал, вдруг он перешёл в отчаянный душераздирающий вой.

«Вивисекция, – мысленно ужаснулась Светлана. – Господи, как здесь страшно работать, как здесь страшно жить, если только можно назвать жизнью пребывание в больничных стенах».

Подшли к хирургическому корпусу.

– Посиди пока на скамейке, я сейчас его вывезу, – сказала Лида и скрылась в подъезде.

Почему это – вывезу, и на чём она его собирается вывозить? Ах да, у него нет ног... У него нет ног, и собаки так ужасно воют. А деревья такие пышные, едва тронутые желтизной, безмятежное небо. Прекрасный день. А у него нет ног. И ей надо будет сказать ему что-то важное, чтобы ему сразу стало легче, и он мог порадоваться солнцу, прекрасному тёплому дню.

Вой всё дрожал и дрожал над больничным двором – она не смогла найти нужных слов.

Лида выкатила кресло-коляску. В нём в коричневой пижаме сидел грузный человек, похожий на старый репей. «Кто это, – подумала Светлана, – неужели Фёдор? Какая чудовищная перемена!» И, чтобы убедиться окончательно, быстренько перевела взгляд на ноги сидящего. Ноги были, были даже ступни, но такие маленькие, такие жалкие в голубых детских тапочках.

Комок подступил у неё к горлу, и на глаза навернулись совсем неуместные слёзы.

– День-то какой, Светлана Ивановна! День-то какой! – сказал Фёдор непринуждённо весело и протянул ей руки, ласковые, сильные с тёмными волосками на пальцах.

И тут же исчез больничный двор с его ужасным виварием и мрачными корпусами.

Здоровые и счастливые стояли они, Светлана и Фёдор, на высоком, почти отвесном крепостном валу, с ними ещё какие-то студенты. Но это не имело никакого значения. Он держал её за руку, она чувствовала тепло его ладоней через мех своей варежки.

– День-то какой, день-то какой, Светлана Ивановна, – сказал Фёдор.

Серая каракулевая шапка съехала ему на затылок, пальто распахнулось, он азартно и завистливо следил за мальчишками, которые с безрассудной смелостью слетали с крутизны на лыжах.

– Увы,– насмешливо заметила она,– такая безудержная удаль характерна только такому возрасту.

Фёдор захохотал в ответ, сбросил ей на руки пальто и, перехватив у подвернувшегося мальчишки лыжи, устремился вниз. Кто-то рядом с ней вскрикнул, она же в страхе закрыла глаза и открыла их лишь после того, как снизу донесся приглушённый ветром и расстоянием крик: «День-то какой, день-то!»

– Пойдём в парк? – вернула к действительности Лида и осторожно подтолкнула вперёд коляску. Светлана посторонилась, высвобождая руки, но левую Фёдор не отпустил. Ему на правах немощного теперь многое было дозволено – долой условности и церемонии, мешающие людям жить. Только не был он немощным. Хотя и потрянула его судьба, но не сломила. И не нужно было его утешать, и не нужно было говорить ему какие-то необыкновенные слова. Она пришла, и уже этого было достаточно.

И опять незримые связи натянулись между ними, преобразилось, сделалось почти красивым у Фёдора лицо. И опять Светлана слушала с завидным вниманием старательной ученицы, любящей женщины. Фёдор говорил для неё одной. И хотя Лида сидела тут же на скамейке, её вроде бы и не было вовсе. Они опять были совершенно одни, как тогда на валу. Чуткая Лида, понимая их состояние, ни одним словом не нарушила этого уединения.

Потом вдруг появились аспиранты, весёлые, самоуверенные парии с орущим портативным приёмничком. Они бесцеремонно пожали всем руки и сразу же принялись рассказывать какие-то анекдоты. А приёмник, заглушая их вопил: «О любви не говори, о ней все сказано. Сердце верное любви молчать обязано...»

– Перемените пластинку! – не выдержал Фёдор.

– А музон ничего, хоть и ретро,– сказал один, но всё-таки выключил приёмник. Другой же продолжал бубнить анекдот, не принимая сказанное на свой счёт. Подругам ничего больше не оставалось, как уйти.

«Прощай, милый репей, прощай, дорогой мой человечисце»,– но вслух Светлана этих слов, разумеется, не произнесла.

На повороте аллеи она оглянулась – Фёдор смотрел им вслед, и в ответ на её прощальный жест поднял сомкнутые руки. Рядом с ним, ничего не желая замечать, самозабвенно тараторили аспиранты.

Выйдя из больничного городка, подруги отправились обедать в кафе ресторана «Прага», в котором изредка в студенческие годы лакомились фирменным тортом. На этот раз он показался Светлане приторно-сладким и вообще невкусным.

– А Фёдор тебя всё ещё любит,– сказала Лида. – Они сидели вдвоём за угловым столиком, и никто не мешал им разговаривать. – Об этом он мне сам говорил. Наш

творческий альянс, как ты знаешь, не был удачным: меня не устраивал руководитель, его – я. И всё-таки, благодаря тебе, я была близким ему человеком, и он нередко со мной откровенничал. Мне запомнилась такая фраза: «До сих пор не пойму, почему Светлана мною пренебрегла».

– Хорошенькое дело! – возмутилась Светлана. – Почему ты раньше молчала?

– Повода не было.

– А сейчас, значит, появился? Пренебрегла. Слово-то какое выбрал – пренебрегла! Что я должна была делать: на шею ему в аудитории кинуться или официально через деканат просить его руки и сердца? Почему он сам был так пассивен, чего он ждал? Ему ведь было больше тридцати.

– И ты была первой девушкой, которую он полюбил.

– Боже, как романтично! Я и не знала, что котируюсь так высоко. Значит, до встречи со мной, пятикурсницей, он грыз гранит науки, делался кандидатом, был женоненавистником...

– Успокойся. Не надо, Светка, прятаться за словесной шелухой. Я же знаю, что тебе сейчас совсем не до шуток. – Лида энергично заскребла ложечкой по дну мельхиоровой креманки, собирая потёки мороженого, которое быстро таяло. Помолчали.

– Конечно, он не был святошей, – продолжала Лида, – скорее наоборот. У него были связи со зрелыми женщинами, и начались они довольно рано. Времена-то, вспомни, какие были – послевоенные! Мужчин мало, женщин, свободных, инициативных много. Вот так и дожил до тридцати, а потом встретил тебя, этакую Белоснежку. Боялся испугнуть, ещё и положение обязывало скрывать свои чувства, ну а когда ты стала независимой, по инерции ждал, что ты сама сделаешь первый шаг. Вот так-то, Белоснежка, – Лида подчеркнуто назвала Светлану данным ей в институте прозвищем, – жаль мне вас обоих – упустили вы свою любовь.

Она смотрела на Светлану со скорбным восхищением, и той даже показалось, с завистью: на долю подруги выпала такая необыкновенная любовь, у неё же всё так обыденно – полюбила, вышла замуж и живёт со своей любовью без всяких трагедий. Лида не подозревала, что всего двумя днями раньше Светлана точно так же смотрела на свою сослуживицу: ведь чужая любовь кажется зачастую поэтичнее собственной, которую мы спешим обрядить в будничное, домашнее платье, лишить театральной приподнятости.

– Упустили вы свою любовь, – повторила Лида, завершая разговор, и встала из-за стола.

– Почему упустили? Любовь осталась, – говорила Светлана, идя за ней по проходу между столами, а потом – рядом уже по Арбату. – В больнице я почувствовала, что всё

ещё люблю его, нескладного, искалеченного. Но я могла жить без него много лет. И это были, в общем-то, хорошие годы. А вот была бы я счастлива с ним, смогла бы просто сосуществовать с ним – не знаю. Думаю, Фёдор подавлял бы меня своим авторитетом, и я на всю жизнь осталась бы только прилежной ученицей.

– Фу, какая ты рассудочная, Светка! И рассудочность твоя никогда не приносила тебе пользы. – Лида вдруг резко переменяла тему, стала рассказывать о виденной недавно пьесе в театре Вахтангова, мимо которого они как раз проходили. Светлана не слушала её: ей стало грустно, грустно, но грусть не была гнетущей. И она подумала, что это как раз то состояние, которое так верно передал её любимый поэт: «Мне грустно и легко; печаль моя светла; печаль моя полна тобою...» Но на смену этому поэтическому определению сразу пришли тревожные мысли: а будет ли ей так же светло потом, когда она в воспоминаниях ещё раз вернётся к этому дню? Не пожалеет ли она, как её бабушка, в конце жизни о своей неудавшейся любви? Бабушка, отрицавшая любовь вообще, твердившая, что всё то, что называется любовью – лишь проявление животного инстинкта, перед смертью сказала: «Вот и прошла жизнь. И горько мне, что не было в ней главного, не было любви. Только то утешает, что не обошла она тебя, и вы с Вадимом счастливы».

Хорошо, что бабушка так и не узнала, какое выпало её внучке счастье.

Правда, брак – не пожизненное заключение. От него можно освободиться и, если не обрести счастья, то хотя бы избавиться от несчастья. Незачем склевать разбитую чашку, если из неё всё равно пить нельзя. Так она Вадиму и скажет, когда возвратится. А назавтра тяжёлый день, и никак нельзя раскисать и давать волю женским эмоциям. Всё-таки правы мужчины, что не пускают женщин к власти. Какой это уважающий себя полководец-мужчина позволит себе накануне сражения страдать от любовных неудач? Позволяли – и сражения проигрывали.

Светлана сражение выиграла. На совещании у начальника главка ТЭО одобрили. Решено было проектировать новый завод. Олег Витольдович предварительно разговаривал с министерством, и там дали «добро». Теперь оставалось только оформить необходимые документы.

– Ну вот, вы и будете главным инженером проекта нового завода, – сказал начальник главка Светлане.

– Но я только временно исполняющий обязанности, – возразила она.

– Попробую упрямить ваше начальство, – засмеялся Олег Витольдович. – Кстати, по новому штатному расписанию институту полагается иметь ещё двоих гипов.

Всё-таки мечты иногда сбываются – верно она выбрала название темы «Агат»: её талисман не подвёл. Она решила обзавестись его материальным воплощением и в ювелирном магазине купила перстень с агатом. Чёрный овальный агат в серебряной оправе выглядел крошечным щитом, украшенным изящным серебряным же тюльпаном. «Иль на щите, иль со щитом вернусь к тебе из Палестины». Она возвращалась со щитом! Вечером Светлана позвонила домой. К телефону подошёл Вадим.

– Светочка дорогая, я так соскучился. Я так много передумал за это время и понял, что не могу без тебя.

А вот она за это время поняла, что может без него и не только может, ей лучше без него, спокойнее. НЕ может она без Мышки, которая смотрит у подруги телевизор, не подозревая о мамином звонке. Но это был так называемый внутренний монолог, а Вадиму она сказала, когда её встречать.

Глава XII

Поезд пришёл днём. На перроне было много встречающих, а когда они смешались с пассажирами, хлынувшими с поезда, разыскать в толпе своих было невозможно.

Светлана подождала, пока народ почти разошёлся, потом вошла в здание вокзала, но и там не было Вадима. Позвонила домой.

– Мамочка, ты откуда? – пропищал знакомый любимый голосок. – Уже приехала! А папы нет. Он на охоте. Я у тёти Люси ночевала.

Дома Светлане не удалось у Мышки выяснить, с кем Вадим уехал на охоту, почему туда вдруг так экстренно собрался. Охота не входила в число его увлечений, у него и ружья-то не было.

– Он обещал утром быть дома и сказал ещё, что днём меня ждёт сюрприз. Сюрприз – это ты, да? Тётя Люся ушла на работу, я не захотела у неё сидеть одна и поехала домой, – рассказывала Мышка.

Что-то случилось, что-то случилось на охоте, – росла опять у Светланы тревога за Вадима. До Люси никак не удавалось дозвониться.

Наконец раздался звонок, которого Светлана ждала со страхом и надеждой. Да, это был Вадим. Он просил за ним приехать в сквер. Он не мог сам добраться домой. Добрые люди довели его до телефонной будки, кто-нибудь и до скамейки доведёт.

– Господи, ну что с тобой? – воскликнула она в смятении.

– Я пьян, Светочка, элементарно пьян,– ответил Вадим так, что в этом уже нельзя было сомневаться.

– Хорошо, сейчас,– спокойно ответила Светлана и повесила трубку. Всё так же спокойно и очень продуманно она собрала необходимые вещи, будто у неё был богатый опыт по транспортировке пьяных, и вызвала такси.

Пришлось ей унизительно упрашивать шофёра, который отказывался везти сомнительного пассажира:

– Ей-богу, всё будет в порядке, не беспокойтесь, пожалуйста, за обивку – я мешочки полиэтиленовые прихватила. Пожалуйста! Неужели вы сами не бывали в подобном состоянии?

То ли на шофёра подействовал последний довод, то ли ему стало жаль Светлану, но он помог ей погрузить Вадима, а потом и извлечь его из машины.

Через двор она волокла его сама. Он вырывал руку и куражился:

– Да, я пьян! Хочу – и пью! Потому, что мужчина! Мужчина! А ты – баба. И тебе меня никогда не понять!

Язык у него работал лучше, чем ноги. Однако у самого крыльца Вадим каким-то поразительным усилием воли заставил себя идти прямо и подобострастно раскланялся с соседями, которые как назло почти все вышли подышать вечерним воздухом.

При виде их Светлана испытала то самое чувство стыда, когда человек готов сквозь землю провалиться. Ничего подобного прежде ей переживать не приходилось. Соседи-мужчины не были трезвенниками. Случалось, кому-нибудь из них не удавалось добрести до квартиры, и он растягивался на коврике перед дверью или даже на лестнице. Она жалела жён этих горемык, и в жалости всегда присутствовало чувство превосходства. Светлана и мысли такой не допускала, что что-нибудь подобное может произойти с Вадимом, с нею. Соседи были людьми другого круга – рабочими ближайшего к дому кирпичного завода, не умевшими, как она полагала, распорядиться свободным временем и хорошим заработком, а потому и пьющими. У их жён хватало фантазии лишь на то, чтобы проводить сводное время на грядках возле дома или в очередях за коврами и сервантами, а то и просто в многочасовых беседах на лавочке у крыльца. Они завидовали ей, что у неё муж не пьёт, и она пару раз давала им советы, как отвратить мужчин от «зелёного змия». «Змий» посрамил её...

Дома Светлана не ругалась, не плакала и даже вроде успокоилась: Вадим стал для неё совсем чужим. А на другой день она почему-то не смогла встать. Кружилась голова, пол менялся с потолком местами, и ватные ноги не желали держать тело.

Глава XIII

Третью неделю Светлана лежала в больнице, в этом Доме страданий.

Перед окном назойливо топорщились ветки какого-то дерева. Они мешали ей смотреть на девятиэтажный дом и небо. Дом был серый, панельный, неизменный, а небо всё время менялось: то оно было ярко-голубым, то блестящим белым, то уныло-серым.

Светлана часами смотрела на него сквозь паутину веток. За окном слышались весёлые голоса прохожих, лай собак, гул автомобилей. А она лежала и смотрела в небо, остро завидуя людям, собакам, даже машинам – всему, что движется, перемещается. На неё в больнице была заведена история болезни № 3505, тоненькая папочка в красном переплёте, где пара страниц занята описанием её субъективных жалоб и вероятных причин, вызвавших болезнь. Каждый день к ней приходили различные медики, маститые и не очень, и все выслушивали, выстукивали, мяли и даже щипали. И все начинали разговор с ней неизменно с вопроса: «На что жалуетесь?» Как бы ставя этим вопросом между собой, здоровым, врачом, и ею, пациенткой, незримую преграду, словно давая почувствовать ей весь комплекс её неполноценности: ты больна, ты жалка. Светлане хотелось так же неизменно ответить: «На жизнь я жалуясь! На жизнь!» Но «эскулапы» не поняли бы её откровенности, да и обстановка для беседы-исповеди была неподходящей. В палате семь человек. Четыре надолго обосновавшиеся в ней старухи, девица попытавшаяся отравиться противозачаточными таблетками, никогда не работавшая полковница, считающая, что ей необходимо проходить раз в год медицинское обследование и исчезающая на выходные домой, чтобы присмотреть за супругом, который может без неё загулять, и Светлана. И все обитательницы палаты заинтересованно прислушиваются, когда врачи разговаривают с одной из них, сопоставляя чужие жалобы со своими ощущениями и ревнуя, если кому-нибудь уделяется больше внимания. К Светлане они их уже не ревнуют, хотя ей внимания уделяется больше, чем остальным, а палатный врач, милая, молодая Римма Тимофеевна после обхода садится на краешек её кровати, берёт за руку и, перебирая её тонкие пальцы, говорит:

– Не отчаивайтесь. Мы о вас очень много думаем, каждый в отдельности и все вместе. Мы обязательно поставим вас на ноги, обязательно.

– Мне кажется, – грустно улыбается Светлана, – вы не за тот кончик дёргаете.

– Мы пока не нашли никакого кончика, – признаётся неопытная ещё Римма, нарушая врачебную этику. – Но мы найдём его обязательно.

Светлана верит немаститой Римме больше, чем остальным: её искренняя убежденность внушает надежду.

Приходят различные сослуживцы, чаще всех – Семён Григорьевич. Он временно, до её выздоровления, будет вести «Агат». Светлане кажется, будто он не особенно уверен, что она поднимется: уж слишком весело он с ней разговаривает. Однажды он приносит печальную весть, и она оставляет Светлану почти равнодушной: своя беда для неё больше всех бед на свете. Погиб в автомобильной катастрофе, разбился на своей Волге Нестеренко, возвращаясь из какого-то коммерческого вояжа – то ли торговал яблоками, то ли покупал яблоки, чтобы дорожке потом их продать.

Ну что ж! Так и должно было рано или поздно случиться, думает она, каждый получает то, что заслуживает. Вот только её судьба бьёт сильнее, чем следовало бы. А, может, и она заслужила свою болезнь? Вот только почему должна страдать Мышка? У Нестеренко дети взрослые, а Мышке через четыре месяца будет только девять лет.

Каждый день бывает Вадим. Подавлен горем, но крепится. Часами сидит у её кровати. Уходя, целует ей кончики пальцев, и слёзы стоят в его глазах.

– Какой муж! Какой прекрасный муж! – умиляются старухи, и завидует полковничиха. Знали бы они, какой он в действительности «прекрасный муж». Но здесь, в больнице, нет у Светланы человека ближе него.

Приоткрылась дверь, и в палату проскользнуло тонкое, гибкое тело кошки. Кошка, обыкновенный домашний зверь, в этом «Доме страданий».

Светлана не любила кошек, а тут, глядя на серого доверчивого кошачьего подростка, существо без больничного халата, растрогалась и заплакала. Кошка уловила её состояние и подошла к кровати, минуя старух. Светлана гладила серую выгибающуюся спинку и думала, а мысли непроизвольно рифмовались:

Может быть, если б я травки поела,
той остролистой, что кошки едят,
хворь бы моя от меня отлетела,
словно увядший листок в листопад?
Я бы на хворь, на листок, наступила
и, засмеявшись, прижала к земле,
чтобы болезнь моя мерзкая сгнила
и никогда не вернулась ко мне.
Но кошки, как люди, увы, умирают,
хотя и волшебное зелье едят...
Наверное, это зимою бывает,

когда травы, поникнув, под снегом лежат,
бедным зверькам до травы не добраться,
а заpastись не додумались впрок,
вот и приходится с жизнью расстаться,
в рыжий иль серый свернувшись клубок.

За рифмованными фразами резкая, как боль, возникла не оформленная в слова мысль о смерти. Не та привычная о смерти – неизбежности вообще, что каждого где-то на склоне лет, и даже не та, что не раз приходила во время болезни, а новая, пугающая, дикая: смерть должна наступить немедленно, сейчас. Это была даже не мысль, а чувство – страх смерти.

И всё в Светлане взбунтовалось, поднялось против этого внезапного страха.

Ну что с ней, собственно, происходит? Рака нет, инфаркта, инсульта нет, вообще, никакой органики, как говорят врачи. Вегетативная система барахлит. Но у кого она не барахлит в этот стремительный XX век? Впрочем, причём тут век! Ещё старик Лукреций, живший в I веке до нашей эры, писал, что всякой души естество держится телом:

Всякой души естество, таким образом, держит телом,
Но и для тела оно – страж и причина здоровья,
Ведь на единых корнях существуют они нераздельно,
И без погибели общей нельзя их расторгнуть.

А у неё причина как раз в этом естестве. Распустила она его. За жизнь нбадо бороться, бороться!

И, преодолевая головокружение и отвратительную слабость, Светлана поднялась с постели и шаткой неверной походкой под изумлённые, протестующие и радостные крики старух пошла к окну. До него было всего пять шагов. До него было целых пять шагов!

За окном стемнело. Небо слилось с домами, на которых весело вспыхивали разноцветные прямоугольнички. И, глядя на них, Светлана впервые за время болезни подумала о новом заводе. О своём заводе.

Представила, как поздним вечером подъезжает к городу. До него ещё минут пятнадцать езды, но он уже угадывается по голубому свечению на горизонте.

– Всё, приехали, – говорит кто-то из попутчиков, – вон уже «Агат» сияет.

И, словно океанские лайнеры, сверкая опоясками окон, выплывают из темноты длинные, стройные заводские корпуса и движутся ей навстречу.

